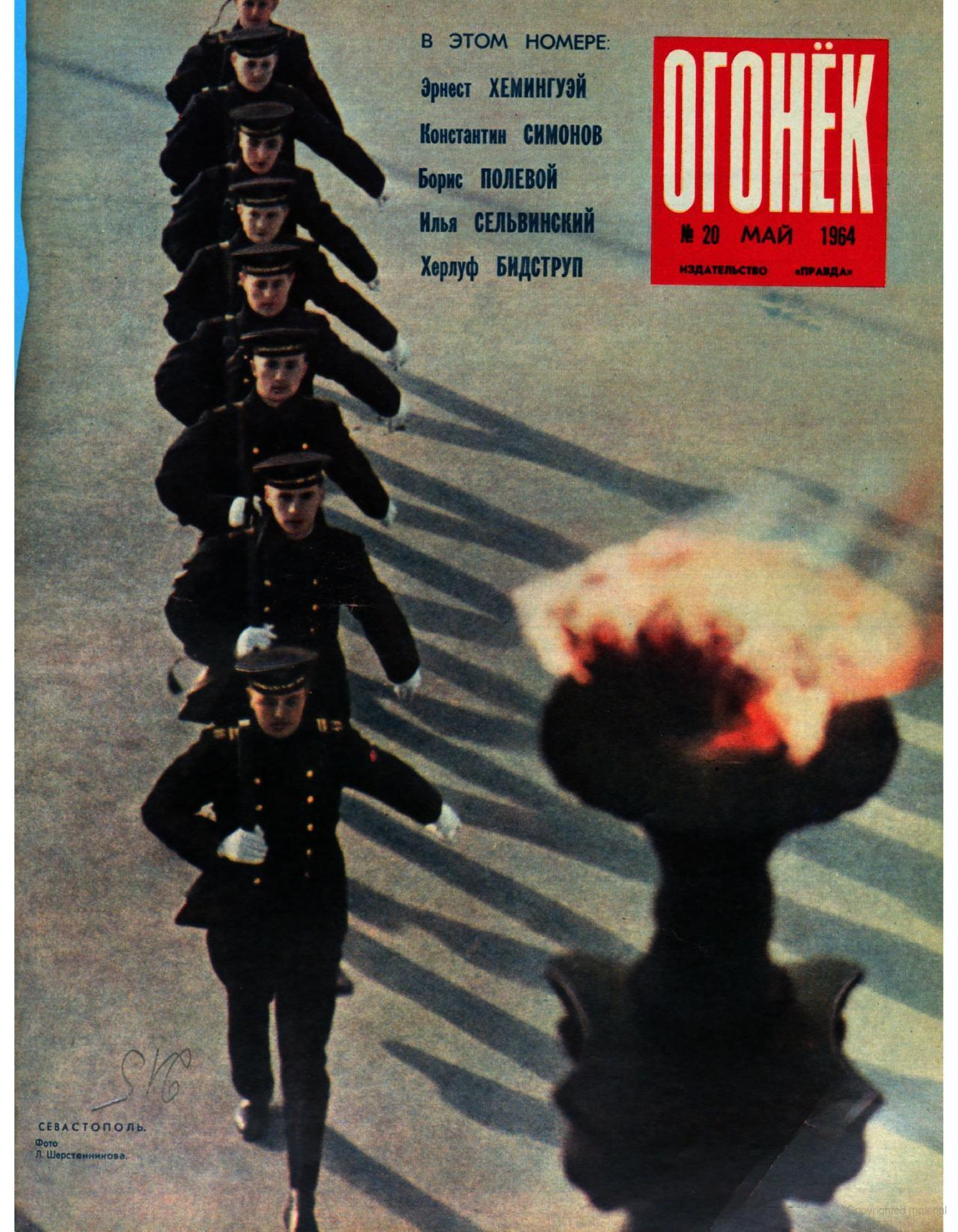

СЕВАСТОПОЛЬ.
Фото Л. Шерстенникова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 20 (1925)

10 МАЯ 1964

Москва, Красная

1 мая 1964

На трибуне Мавзолея В. И. Ленина — Н. С. Хрущев, Президент Алжирской Народной Демократической Республики Ахмед Бен Белла, вице-председатель правящей партии Африканский национальный союз Кении, министр внутренних дел Ажума Огинга Одинга, начальник политуправления Революционных вооруженных сил Кубы майор Хосе Кауссе.

площадь,

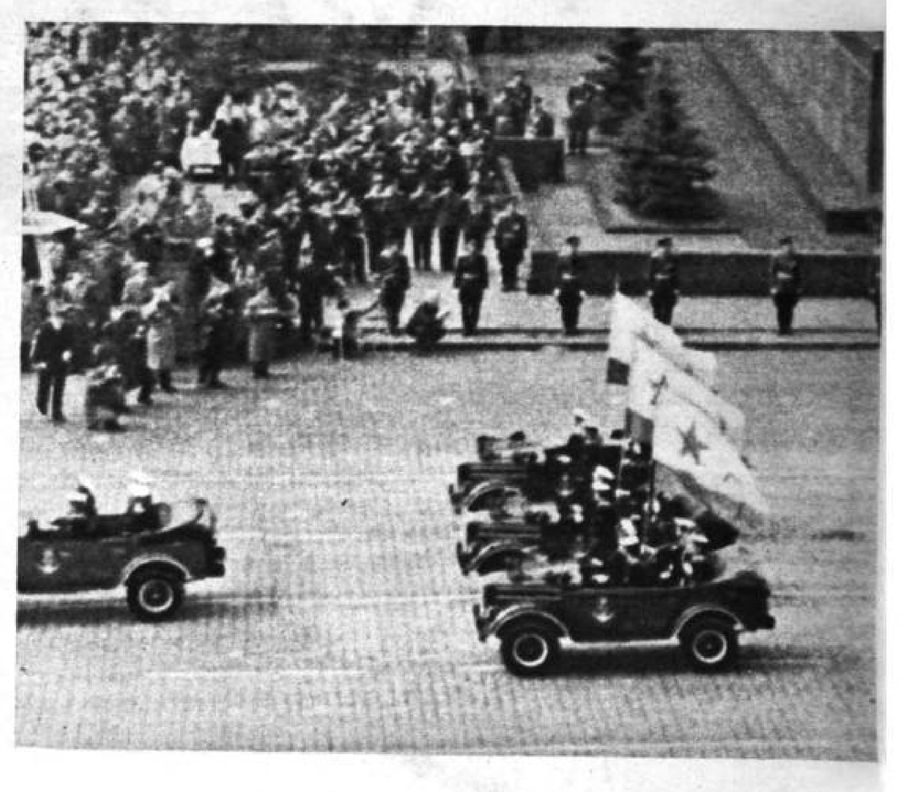
года

Торжественно праздновали народы Советского Союза и все трудовое человечество 1 Мая — день международной солидарности трудящихся, день единства и братства рабочих всех стран.

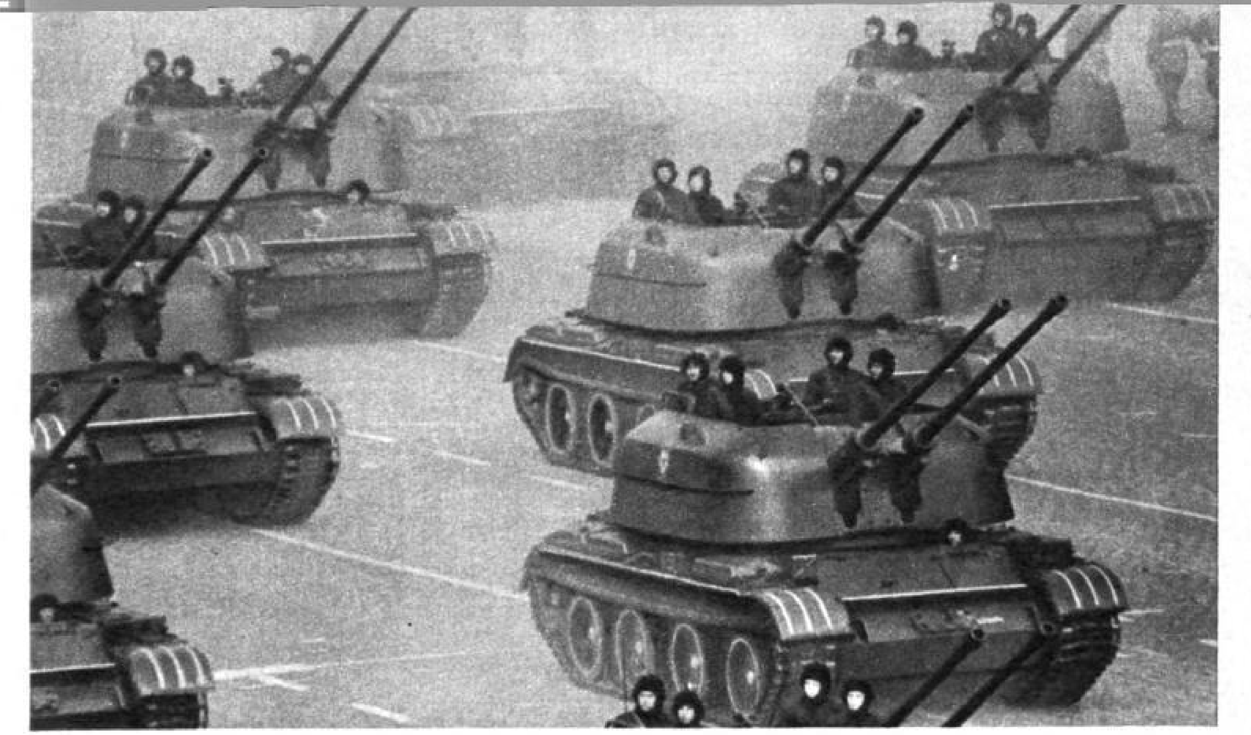

Москва, Кр

асная площадь, 1 мая 1964 года

Фото Дм. Бальтерманца, Л. Бородулина, А. Бочинина, А. Гостева, Ю. Кривоносова, Е. Умнова.

Первомайский флажок на тракторе

Гулом тракторных моторов полнится Саратовский хлеборобный край.

Необычайно поздняя весна задержала сев. Поэтому нужно наверстывать. Ведь саратовцы в этом году ведут борьбу за получение 350 миллионов пудов хлеба.

Рано утром первого мая хлеборобы колхоза «Россия» Аткарского производственного управления были уже в поле.

На снимке: тракторные агрегаты ведут боронование зяби.

Б. КУЗЬМИН

Ахмед Бен Белла.

Долорес Ибаррури.

Херлуф Бидструп.

Выдающиеся борцы за мир

Постановлением Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира международные Ленинские премии присуждены: Ахмеду Бен Белле — общественному и государственному деятелю (Алжирская Народная Демократическая Республика); Долорес Ибаррури — общественной и политической деятельнице (Испания); Херлуфу Бидструпу — художнику, общественному деятелю (Дания).

1 Мая Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил Президенту Алжирской Народной Демократической Республики, генеральному секретарю партии Фронт национального освобождения Алжира товарищу Ахмеду Бен Белле орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Фото АПН.

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

5 мая в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, посвященное Дню печати.

Торжественное заседание открыл секретарь МГК КПСС Н. А. Кузнецов.

Председатель правления Союза журналистов СССР, главный редактор «Правды» П. А. Сатюков горячо приветствовал от имени участников заседания видных деятелей международной журналистики, пожелал зарубежным коллегам успехов в борьбе за мир и прогресс, за торжество принципов интернационализма.

На торжественном заседании с докладом выступил секретарь правления Союза журналистов СССР, генеральный директор ТАСС Д. П. Горюнов.

Фото А. Канашевича.

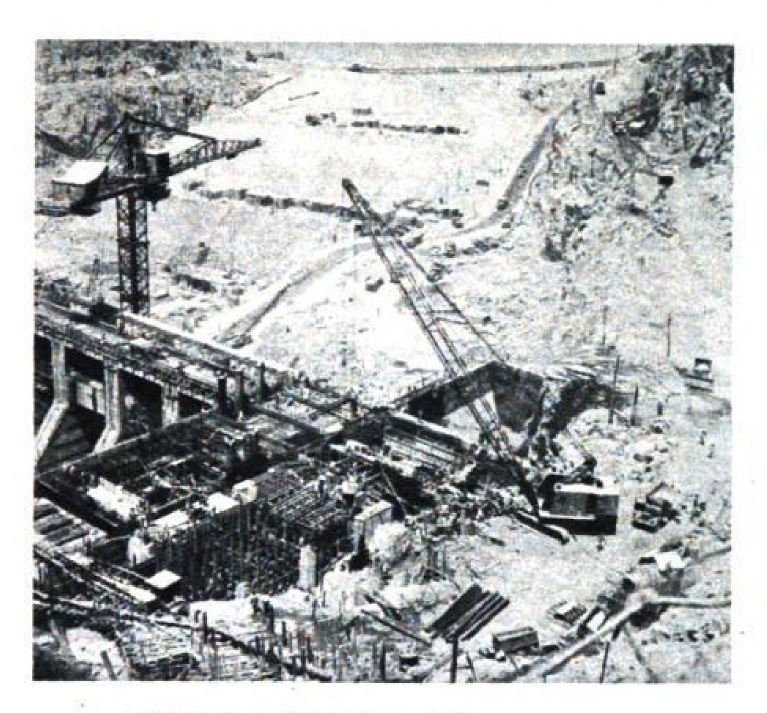
К ШТУРМУ НИЛА ГОТОВЫ!

Мир смотрит на Асуан

Четыре года подвига — так можно назвать героический труд строителей Асуана: советских людей, приехавших, чтобы помочь арабским братьям создать крупнейшее гидросооружение Африки, рабочих и инженеров ОАР, трудившихся поистине самоотверженно на благо своей страны. Плечом к плечу, рука об руку работали они. И в шуме трудовых будней крепла дружба.

Волнующие дни переживает сейчас Асуан. Подписан приказ о перекрытии могучего Нила. На свой большой праздник строители ждут высокого гостя — главу Советского правительства Никиту Сергеевича Хрущева. «Добро пожаловать, наш дорогой друг!» — эти слова сегодня можно услышать всюду в ОАР.

Фото А. Горячева.

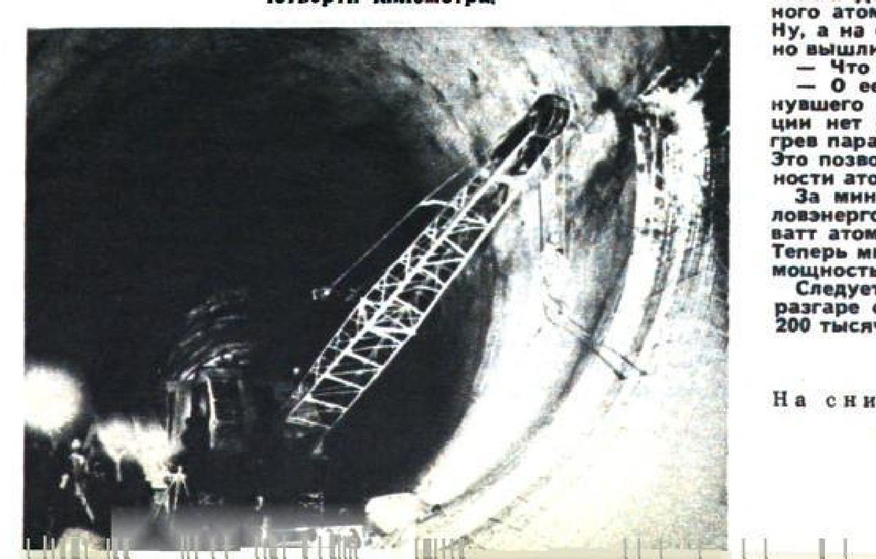

Панорама строительства ГЭС.

Крепко подружились за время строительства экскаваторщик из Казахстана Балтабай Дюсенов и его арабский помощник Мухамед Гаасем Гяад.

Последние работы в туннеле. Всего таких туннелей шесть. Каждый из них — диаметром в 15,5 метра, а длиной — более четверти километра.

ПОСТУПЬ СОЦИАЛИЗМА

8 мая — национальный праздник трудящихся Германской Демократической Республики, День освобождения от гитлеровского фашизма. Молодая республика на мощном подъеме. О новых выдающихся успехах сообщают с заводов и фабрик, из сельскохозяйственных производственных кооперативов. Опираясь на братское сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами, Германская Демократическая Республика создает промышленные гиганты, которые будут служить народу.

На снимке: крупнейшая стройка индустрии ГДР — комбинат «Шварце пумпе».

Фото Центральбильд.

Весна свободы

Вместе с весной, вместе с маем приходит на чехословацкую землю праздник. Едва отгремит медь первомайских оркестров, как страна встречает свой национальный праздник — день Освобождения от фашистских захватчиков.

На рассвете 9 мая 1945 года Советская Армия принесла Чехословакии свободу. С тех пор прошло девятнадцать лет. Но не вянут цветы на могилах советских солдат, которые отдали свои жизни за счастье братского народа. Стали взрослыми дети, которые родились уже на свободной, мирной земле. Выросла и возмужала вся страна. За годы, минувшие после освобождения, под руководством коммунистической партии народ Чехословакии осуществил подлинно революционные преобразования, построил социализм.

В эти весенние дни, в дни нашего общего праздника, советские люди желают Чехословацкой Социалистической Республике — нашему верному другу и боевому союзнику — новых успехов, счастья и мира.

На снимке: дети новой Лидице.

Фото А. Узляна.

УРАЛЬСКАЯ АТОМНАЯ В СТРОЮ

Кажется, что в эти теплые, весенние вечера огни праздничных иллюминированных улиц Свердловска сияли как-то особенно ярко. Еще бы! Впервые включился свет мирного атома. В предмайские дни Белоярская атомная станция имени И. В. Курчатова дала ток в уральскую энергосистему, сделав еще один важный шаг в деле мирного использования атомной энергии.

Мне не раз приходилось бывать на этой уникальной стройке. И почти 5 лет назад, когда стрелы мощных башенных кранов в считанные минуты устанавливали на фундаменты первые колонны главного корпуса, и затем, когда люди в стерильных белых комбинезонах монтировали атомный реактор.

И вот теперь энергия атома уже приводит в движение станки уральских заводов, освещает улицы городов и поселков.

После майских праздников мы связались по телефону с новой атомной станцией, с ее директором Владимиром Петровичем Невским.

— Как отметили первомайский праздник в вашем «атомграде» — Белоярске?

— Отлично,— отвечает Владимир Петрович.— Нынешний Первомай был для нас вдвойне радостным. Ведь завершен важнейший этап большого пути. В канун Мая на торжественном собрании отметили передовиков энергетического пуска: слесаря-прибориста Александра Стенина, инженеров Валентина Кобелева, Владимира Богуславского, лаборантку Лидию Сидельникову, начальника цеха Валерия Зыкина... Да всех разве перечислишь! Ведь энтузиастов мирного атома у нас сотни: и ученые, и инженеры, и рабочие. Ну, а на следующий день, несмотря на дождь, все мы дружно вышли на демонстрацию.

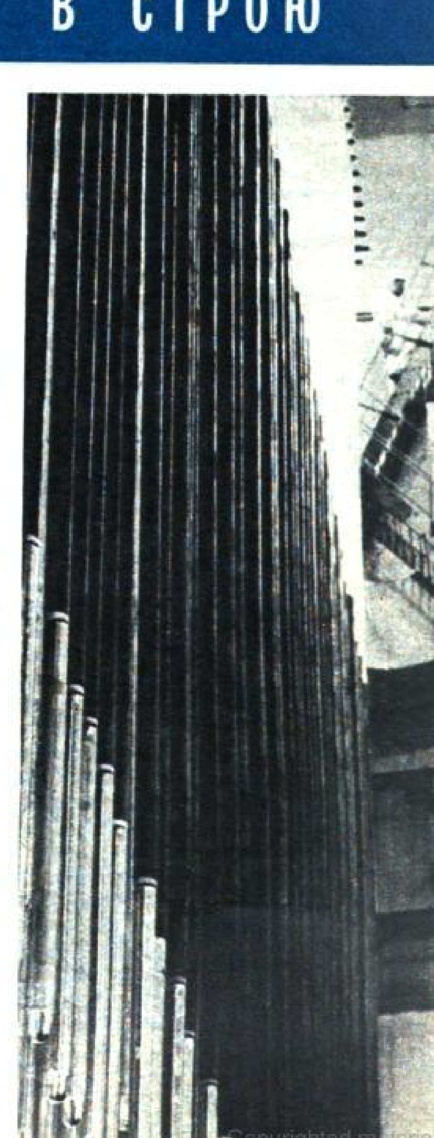
— Что показали первые дни работы атомной станции?

— О ее особенностях «Огонек» уже писал в декабре минувшего года. Напомню только, что подобных нашей станции нет еще в мировой практике. Впервые ядерный перегрев пара осуществляется здесь непосредственно в реакторе. Это позволит с максимальной выгодой использовать возможности атомного топлива.

За минувшую неделю с начала пуска в систему «Свердловэнерго» мы выдали уже десятки и десятки тысяч киловатт атомного электричества. Реактор работает хорошо. Теперь мы стремимся как можно быстрее освоить проектную мощность станции.

Следует отметить, что сейчас пущен ее первый блок, в разгаре строительство и монтаж второго. Его мощность — 200 тысяч киловатт, вдвое больше первого.

А. ГРИГОРЬЕВ

На снимке: в главном зале реактора.

Фото Я. Рюмкина.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Иван БАУКОВ

Помню, мне казалось, что в этот день нет несчастливых людей на всем белом свете. И самыми счастливыми людьми были, конечно, мы, солдаты. По выражению старшины, у меня морда блестела, как блин на масленицу,— от счастья, конечно. Но у него самого, я стеснялся ему сказать, в этот день лицо блестело не меньше моего.

День Победы! В мае природа просыпается рано. В саду уже вовсю пели черные дрозды, звенели, пинькали и другие птицы.

Мы его встретили в четыре часа утра. И мне не спалось в это светлое майское утро. Когда на улицах небольшого немецкого города началась беспорядочная стрельба стихийно возникшего салюта, я еще не верил в счастье. После четырех лет жизни в окопах, в блиндажах, на виду у смерти и к счастью относишься с недоверием. Сердце щемило от радости и от боли. А вдруг это еще не все? А вдруг тебя убьют в этот последний день войны?..

В груди моей давно уже была весна, с тех пор, пожалуй, как мы перешагнули за Одер. Я отчетливо видел первую ласточку, которая влетела под поветь, прощебетала свое «Здравствуйте, люди!» и тут же выпорхнула и растаяла в прозрачной голубизне прохладного весеннего неба. Спустя некоторое время ты уже с сомнением смотришь под поветь и думаешь: было это или не было?

Такой я запомнил весну своего раннего детства.

Когда на улицах раздались беспорядочные выстрелы, я был уверен, что ласточка влетела под поветь, но в тайне души я все еще думал, что все это мне только показалось: слишком тяжел был путь к этому счастливому дню, чтобы в него так сразу взять и поверить.

А выстрелы продолжались. Стреляли из автоматов, винтовок, из пулеметов, и даже где-то на окраине города, как бы в последний раз в своей жизни, гулко вздохнуло орудие.

Может быть, Гитлер десант какой-нибудь последний выбросил? Ведь каждый год, каждое наступление он старался удивить чем-нибудь измученные войной народы. «Вот тебе и мир!» — подумал я с болью в сердце.

На войне, чтобы не было горького разочарования, мы всегда в первую очередь думали о худшем. Стоит только расслабить себя, и ты уже будешь не боевым солдатом, а живым трупом. И поэтому солдат не верит в победу на слово, пока собственными глазами не увидит этой самой победы.

Услышав стрельбу, я, на ходу застегивая шинель, выскочил на крыльцо. Людей на улице не было видно. Чтобы привлечь к себе внимание патруля и узнать у него, в чем дело, я поднял автомат и выпустил всю обойму в небо; в последние дни войны мы не раз вызывали патруль выстрелами. Меня очень удивило, что после моей автоматной очереди ко мне не только никто не подошел, но даже никто не окликнул. Я выпустил вторую обойму в небо. И тут только увидел стоявшего рядом со мной седоусого старшину Николая Квашнина. Поймав мой взгляд, он спросил:

— У тебя еще патроны есть?

По привычке я оробел: патронов со мной больше не было.

— Товарищ старшина...—начал я, оправдываясь.

Но старшина обхватил меня своими широкими, как у медведя, руками и сдавленным голосом прохрипел:

— Победа! Дурило ты этакий, победа! Победа!— хрипел он мне в самое ухо, и я чувствовал, что по лицу его текут слезы.

Четыре года мы ждали этого заветного дня. Наш путь лежал через могилы мирных жителей донбасского города Рубежное, через ямы Славуты, заполненные до краев телами ни в чем не повинных украинских подростков, шли мимо печей Майданека. Мы шли на запад, оставляя позади себя братские могилы, могилы своих братьев и друзей, и все это делали ради победы. И вот когда этот день настал, когда большой седоусый уральский мужик Квашнин сдавленным голосом прохрипел «победа», мне тоже захотелось плакать.

...День Победы мы праздновали позже, часов в двенадцать дня, когда все солдаты нашего отделения возвратились со своих постов. Мы выбрали зеленую лужайку подле небольшого сада и начали шумно усаживаться. Первым долгом мы достали свои видавшие виды, с помятыми боками серые алюминиевые кружки, чтобы наполнить их прозрачным, как слеза, спиртом. Этот спирт мы пронесли через всю Польшу, через всю Германию, ни разу не прикоснувшись к канистре. Мы дали друг другу слово выпить этот спирт только в День Победы. На этом настоял рязанский солдат Петр Бабкин. Солдата Петра Бабкина мы потеряли при форсировании Одера, но волю его выполнили.

И вот этот день настал.

Прекрасны розы Германии! Они, как дикий виноград или как хмель, оплетают каменные стены зданий и цветут сразу целыми букетами. До Дня Победы мы тоже видели эти розы, но мы как-то не замечали, что розы в Германии прекрасны и что немцы — народ трудолюбивый. Мы были в стане врагов, мы видели только их недостатки. Мы были очень удивлены, когда вдруг на лужайку, где мы расположились отпраздновать День Победы, пришли немецкие дети. Хотелось крикнуть: «Смотрите, и у них есть дети!..» Раньше нам как-то и в голову не приходило подумать об этом.

Но то, что произошло дальше, началось с детей.

Когда мы расселись на зеленой лужайке подле небольшого сада и приготовили свои алюминиевые кружки, старшина Квашнин вдруг опустил свою кружку на плащ-палатку и приказал:

— А ну, снимите оружие с дерева!

Говоря это, он уже не был похож на отважного солдата гвардейской части: в голосе его сразу проснулось что-то не военное, а крестьянское. Может, даже не в голосе, а скорее всего в его серых уставших и задумчивых глазах.

«А ну, снимите оружие с дерева!..»

Больше он ничего не сказал, но все мы вдруг увидели, что дерево, на котором были развешаны автоматы, было не просто дерево — яблоня. По какому-то общему согласию мы поняли, что яблоня не виновата. И это для нас было таким же открытием, как и то, что «и у них есть дети»...

Было очень неприятно снимать оружие с цветущих веток яблони под молчаливые, ясные и осуждающие взгляды малышей.

Сняв оружие, мы облегченно вздохнули и почувствовали себя как бы честнее.

Маленькие дети во всех странах мира, как две капли воды, похожи друг на друга, всюду они одинаково бесцеремонны и любознательны. Не успели мы усесться на траву, как они целой гурьбой окружили нас. После случая с яблоней мы избегали их любопытных взглядов.

Дети, окружив нас тесным кольцом, жадно смотрели на разложенную перед нами закуску. И нам казалось, что мы чем-то виноваты перед этими голодными малышами. Мы упорно не смотрели в их лица. Но когда старшина, седоусый уральский мужик Квашнин начал резать хлеб на краюхи, мы все услышали удивленный голосок малыша:

— Бротт!

Мы невольно обернулись и увидели перед собой чумазого карапуза лет пяти-шести с широкими, голубыми-голубыми глазами. И тут только понял я смысл слов «кусок в горло не лезет».

Все, как по команде, опустили кружки. А наш седоусый старшина, глаза которого стали совсем крестьянскими, пряча от нас свой взгляд, отрезал краюху хлеба и протянул карапузу.

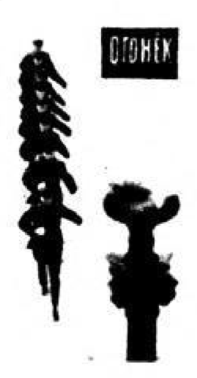
— На, держи, малец! — И, как бы оправдываясь, старшина добавил в нашу сторону: — У меня дома таких, как они, своих полон дом.— Сказав это, он глубоко вздохнул, взглянул на нас и роздал детям остальной хлеб.

В это время малыш, получивший первым краюху хлеба, одной рукой придерживая штанишки и протянув другую руку вперед, бежал к своему дому и кричал на всю улицу:

— Муттер, бротт!

На крик малыша из дому вышла изнуренная молодая женщина.

Мы все тут же отвернулись от нее. Она не благодарила, но в глазах у каждого из нас на всю жизнь запечатлелся ее взгляд.

О. ШМЕЛЕВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Почему плачет эта старая женщина, зашедшая в здание Севастопольской диорамы?..

Бывают в истории моменты, когда народ вглядывается в дело своих собственных рук и вдруг осознает: ведь дело это мог свершить только великий!.. В такие моменты родится национальная гордость, та великодушная гордость, которая свободна от малейшей примеси спеси и высокомерного отношения к иным нациям.

Русский народ по-новому осознал себя в великий 1812 год.

А потом пришел год 1854-й, когда началась 349-дневная оборона Севастополя.

Враг превосходил защитников Севастополя во всем: у него было несравненно больше пушек и зарядов к ним, больше штуцеров — нарезных ружей, больше солдат. Иноземцы безраздельно господствовали на Черном море.

И еще одно надо учесть: матросов, солдат и офицеров русских сбивала с толку, мешала им бездарная деятельность разных главнокомандующих, подобных князьям Меншикову и Горчакову, о головотяпстве которых веселый молодой подпоручик Лев Николаевич Толстой, участник обороны, сочинил саркастическую песенку: «Гладко вписано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Тысячи моряков и солдат сложили свои головы на редутах Севастополя во славу России. Кровью вице-адмирала Корнилова и адмирала Нахимова омыт легендарный Малахов курган.

Во всем превосходили защитников города враги, но только не в бесстрашии. Бойцы ушли из Севастополя непобежденными. Вот какие слова приказа сопровождали их: «Храбрые товарищи, грустно и тяжело оставить врагам нашим Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь

ЧЕСТЬ СЕВАСТОПОЛЯ

Отечества в 1812 году: Москва стоит Севастополя!..

Но не Москва, а груда каменьев и пепла досталась неприятелю в роковой 1812 год. Так точно и не Севастополь оставили мы нашим врагам, а одни пылающие развалины города, собственною нашею рукою зажженного, удержав за нами честь обороны, которую дети и внучата наши с гордостью передадут отдаленному потомству».

Эту честь приняли советские люди 29 октября 1941 года, когда город-герой Севастополь, остановив гитлеровские дивизии, занял оборону.

Несравненно страшнее и беспощаднее оказался враг на этот раз. Но и защитники Севастополя были во сто крат сильнее духом, ибо за ними была Советская страна, их закалила великая ленинская партия, а грозные тени предков изгнали страх из их рядов.

3 июля 1942 года они уходили из города. Уходили непобежденными и твердо знали, что вернутся на иссеченные сталью камни и поставят памятники героям двух оборон — той, далекой, и сегодняшней.

Они вернулись 9 мая 1944 года, и вид истерзанного варварами города не поверг их в уныние. Народ, у которого достало мощи на разгром фашизма, сумеет воскресить свою святыню — так думали бойцы. Сквозь черный дым пожарищ им виделся новый Севастополь — тот, который сегодня отражает свои белые камни в синей воде моря.

...Ветер треплет ленточки бескозырок и листву деревьев, которым по двадцать лет, разносит по набережной матросскую песню, ерошит волосы на головах мальчишек, гудит в стволах старых пушек. Он проникает в окна студенческих лабораторий и в стены фабрик, приносит с собой запах моря и весны — двадцатой весны возрожденного Севастополя.

Не все защитники и освободители города вернулись с войны, но погибшие герои живут не в одних лишь слезах матерей. Они живы в бессмертной душе Севастополя, такой же высокой и чистой, как его воинская честь.

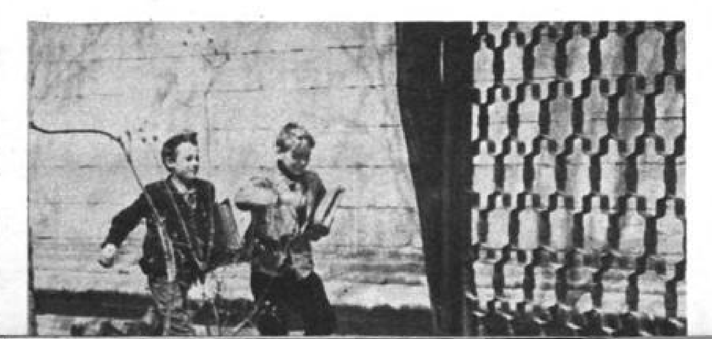
ДЕНЬ ГОРОДА-ГЕРОЯ.

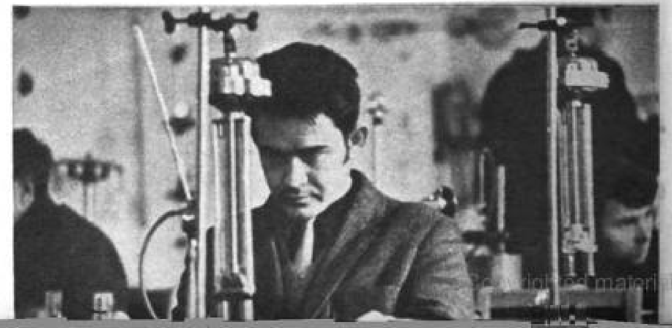

ТУРИСТСКИМИ ТРОПАМИ. КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. Фото Г. Колосова.

Константин СИМОНОВ

С лейкой и блокнотом

«В редакцию не вернулся»... Так называется сборник, который скоро выйдет в Политиздате. Помимо очерков, написанных специально для этой книги, составители — П. Д. Корзинкин и А. И. Лангфанг — включили в нее много документальных материалов. Книга рассказывает о шестидесяти советских писателях и журналистах, погибших на фронтах Отечественной войны.

Ниже мы публикуем один из очерков этого сборника.

Михаила Бернштейна и Павла Трошкина я впервые увидел летом тридцать девятого года в монгольской степи на Халхин-Голе. Трошкин — худощавый, щеголеватый, красивый, в сбитой набок синей авиационной пилотке, в новеньких ремнях, с полевой сумкой на боку и с «лейкой» на груди, с револьвером на другом боку — стоял между юртой разведотдела, вкопанной в желтую песчаную землю Хамар-Дабы, и пятнистым трофейным японским фордиком. Стоял и ждал, когда из юрты выйдут разведчики, вместе с которыми он должен был ехать на этой машине куда-то на передовую.

Таким — небрежным, щеголеватым и готовым к немедленному действию, как взведенный курок,— запомнил я его в первые минуты нашего знакомства.

А Михаил Бернштейн, когда я впервые увидел его — это было в 11-й Яковлевской бригаде, у танкистов,— сидел на плащ-палатке рядом с командиром батальона майором Михайловым, который погиб потом, в сорок втором году, на Калининском фронте, и белыми, веселыми, крепкими зубами с азартом обгрызал с большой бараньей кости недоваренное мясо. Обгрыз до конца, поправил «лейку» на круглом животе, засунул за ремень пилотку, встал и сказал:

— Пойду подскочу в разведбат. Обещали в броневичок засунуть, идут куда-то.

Такими были первые впечатления от них.

Был тридцать девятый год, первая война, на которую мы попали, хотя и жестокая, но небольшая и далекая, про которую почти не писали в газетах. Была еще та война, на которую выписывали командировки только тем, кому повезло среди многих хотевших, и на командировках стояло: «Для выполнения особого задания»,— и можно было и ехать и не ехать на эту войну.

Был тридцать девятый год, молодость, предчувствие будущих больших событий, о всем трагизме которых не подозревали. Было двадцать три года за плечами и впервые надетая на плечи военная форма.

Мне — двадцать три, Бернштейну — чуточку больше, а Трошкину — тридцать.

Так это осталось в памяти.

Мы тогда еще не подружились. Как-то не свела вместе ни жизнь, ни опасность. Просто видели там по нескольку раз друг друга и помнили потом взаимно, что знакомы по Халхин-Голу.

А потом, почти через два года, началась Великая Отечественная война, на которую не спрашивали, ехать или не ехать, потому что служить в газете военным корреспондентом было самое малое из всего того, что были обязаны делать на ней люди нашего возраста. Другие, такие же, как мы, просто получали повестки военкомата и шли на фронт рядовыми, сержантами и лейтенантами, в зависимости от того, какая действительная служба или какое военное образование было за плечами.

Работа военных корреспондентов была не самой опасной работой на войне. Не самой опасной и не самой тяжелой. Тот, кто этого не понимал, не был ни настоящим военным корреспондентом, ни настоящим человеком. А те, кто это понимал, сами, без требований со стороны начальства, стремились сделать свою работу и опасной и тяжелой, старались сделать все, что могли, не пользуясь ни выгодами своей относительно свободной на фронте профессии, ни отсутствием постоянного глаза начальства.

Именно к такому сорту корреспондентов и принадлежали они оба — Михаил Бернштейн и Павел Трошкин.

А люди они были очень разные, по-разному храбрые, и писать о них, наверное, нужно о каждом отдельно; тем более, что и встречал я их обоих в годы войны поразному, на разных фронтах и в несхожих обстоятельствах.

С Мишей Бернштейном случилось так, что хотя мы работали оба в одной редакции, в «Красной звезде», и близко дружили, но длительное время пробыли вместе на фронте только один раз, когда поехали в первых числах октября 1941 года в Заполярье, и вернулись оттуда в декабре, накануне нашего наступления под Москвой.

Потом, в течение зимы 1941—1942 года, мы с ним ездили два-три раза вдвоем, накоротке, на разные участки Западного фронта, но это не больно твердо осталось в памяти, и раз так, то лучше ее не неволить.

А вот поездку на север вместе с Мишей и третьим нашим товарищем, фотокорреспондентом «Известий» Георгием Зельмой, я хорошо помню. И сейчас пишу это, а передо мной на столе лежат фотографии, снятые двадцать два года назад, там, на севере, и на них Мишка — коренастый, курчавый, со своей неизменной полуулыбкой на добром, веселом круглом лице. И хотя он давно погиб, и я, как и все его товарищи, горевал, когда он погиб, и долго не хотел в это верить, сейчас, глядя на эти старые фотографии, я улыбаюсь... Такой уж он был человек, что нельзя не улыбнуться, вспоминая его.

И еще одно приходит на ум, когда глядишь на эти старые фотографии: тогда, благодаря своему могучему телосложению и своим медвежьим ухваткам, он не казался нам особенно молодым, а сейчас смотрю и вижу: какой он был молодой! Ему только недавно стукнуло двадцать пять, когда началась война, а до тридцати он так и не дожил, погиб в сорок втором, не то в конце мая, не то в начале июня под Харьковом. Говорили, что застрелился, не желая попасть в плен. Из первых уст не слышал этого, слышал из вторых и даже из третьих — от людей, которым говорили другие люди, узнавшие это от третьих. Но хотя и слышанное из третьих уст — это очень похоже на правду. Михаил никогда сам не говорил на эти темы, он вообще не любил говорить о смерти, но он был человек решительный, умевший действовать без лишних слов, и мне почему-то кажется, что спустить курок ему было легче, чем поднять руки.

Пишу это уверенно, хотя жизнь сложилась так, что как раз вместе с Бернштейном мне ни разу не пришлось бывать в критических обстоятельствах.

Наша поездка на север временами была трудной, но героическими боевыми эпизодами не изобиловала. Это была довольно мирная поездка на тяжелый, но устойчивый, давно стабилизовавшийся участок фронта. К бомбежкам Бернштейн относился со значительно большим юмором, чем я, а других совместных испытаний на нашу долю не выпадало. Были непогоды, метели, снежные завалы, опасность заблудиться и замерзнуть. Возникла необходимость кому-то одному идти вперед в метель и искать дорогу, приходилось толкать и тащить машину на руках через заносы, метр за метром и снова метр за метром. А один раз так вышло, что шесть суток совсем ничего не ели, только, разделив на порции, пили по наперстку спирта в день, разбавляя его горячей водой.

Словом, случались обстоятельства, которые сами по себе не являлись испытанием мужества, но испытанием товарищества были, и в этих испытаниях Миша был тем товарищем — веселым, легким, самоотверженным,— какого не забудешь всю жизнь, потому что всю жизнь хочется рядом с собой иметь именно таких товарищей. Первым вызывался идти разведывать дорогу и первым подставлял свое могучее плечо, чтобы подтолкнуть машину, и если, пережидая метель, мы, несколько человек, укладывались на холоду поспать, накрывшись брезентом, то ложился не в середку, а с краю, а потом отказывался переместиться, смеясь, что ему всех теплей, потому что он самый жирный.

И голодал весело, с шутками, хотя здесь уж то, что он, как он сам выражался, жирный, наоборот, делало его положение самым тяжелым: аппетитом, как говорится, его бог не обидел!

Вот какой это оказался человек, в той длинной и трудной дороге, которой была для нас эта поездка на север.

А каким он бывал в опасных переделках, и как спокойно работал, и как не забывал шутить даже под пулями,— об этом мне при случае не раз рассказывали другие мои товарищи, которым довелось быть тому свидетелями. Сам Мишка никогда не рассказывал о таких вещах, и, наверное, поэтому я особенно твердо верю всему хоро-

шему, что говорили о нем другие.

Весной 1942 года, собираясь ехать на Юго-Западный фронт, Бернштейн зашел ко мне.

— Слушай,— сказал он,— ты долго будешь сидеть в Москве?

Я только накануне вернулся с фронта, собирался отписываться и рассчитывал, что пробуду в Москве по крайней мере две недели.

— Тогда знаешь что,— сказал он,— дай мне твою кожанку. Редактор велел мне смотаться под Харьков, я накоротке подскочу туда и через неделю буду.

Так и не знаю, почему ему тогда вздумалось лететь в этой моей кожанке, которая, кстати сказать, была не моя, а тоже досталась мне по дружбе. Видимо, она ему полюбилась на севере. Мы там иногда менялись: он ходил в ней, а я в его парашютно-десантной, брезентовой, на толстой вате куртке. В общем, забрал у меня кожанку и подскочил под Харьков. И из-под Харькова уже не вернулся...

Я не суеверный человек, но за эту весну и лето, как нарочно, дважды повторилась такая исто-

Встретились фронтовые товарищи — Михаил Калашников, Оскар Курганов, Михаил Бернштейн (с трубкой) и Петр Лидов. Это было в сентябре 1941 года под Ельней.

рия — сначала с Мишей, а потом с Евгением Петровым, который тоже уехал в Севастополь в моем плаще. Во всяком случае, я никогда за всю войну больше никому из товарищей не давал на время своих вещей. Было слишком не по себе от этого трагического совпадения.

Сейчас, через много лет, мне трудно написать что-то еще о Михаиле Бернштейне. Еще тогда, во время войны, вскоре после его гибели, когда снималась картина «Жди меня», я вывел в ней человека, который, как мне казалось, был похож на Мишу. Мне захотелось это сделать в память о нем. В картине веселого фотокорреспондента звали Мишкой Вайнштейном. На протяжении картины он много шутил, а в конце ее погибал. Его играл Лев Свердлин, помоему, хорошо. Во всяком случае, мне лично, когда я смотрел картину, он напоминал того, настоящего Мишу. Напомнил и теперь, недавно, когда я смотрел ее вновь после долгого перерыва.

А Павел Трошкин был, как я уже сказал, совсем другим человеком, чем Бернштейн, и жизнь нас свела на фронте совсем в других обстоятельствах. Мне и потом, на протяжении войны до 1944 года, приходилось бывать на разных фронтах вместе с Трошкиным, но с особой силой мне в память врезались две первых совместных с ним поездки на фронт. Обе в самом начале войны, в июле сорок первого года. Одна — в Могилев, а другая, немного позже, когда Могилев уже пал,— под Дорогобуж и к Соловьевской переправе.

Обе поездки были тяжелые, полные опасностей и самых непредвиденных обстоятельств, в том числе и трагических. Некоторые из этих обстоятельств дали мне возможность и оценить и навсегда запомнить различные стороны своеобразной угловатой натуры Трошкина.

На мой взгляд, он был человек недюжинный. Мне казалось и продолжает казаться и сейчас, что, останься он жив, он бы не только мог создать из собственных достовернейших снимков целую летопись войны, но ему к этой летописи не понадобилось бы автора текста. Он был необыкновенно заинтересован в людях, любопытен, восприимчив, и мне казалось, что он еще когда-нибудь сам напишет обо всем, что видел.

К несчастью, он погиб уже незадолго до конца войны — был убит бендеровцами в перестрелке на дороге недалеко от Львова. Говорили, что он залег в кювете, около своей подбитой машины, с автоматом и отстреливался до последней секунды. Я верю этому; это похоже на него.

В моей памяти он сохранился человеком сильным, упрямым и до такой степени необузданным в своей работе, что с ним было опасно ездить. Когда ему надо было что-то непременно снять, он не отступал от своего намерения ни при каких обстоятельствах и не только сам забывал об опасности, но и забывал, что его товарищи могут быть не настолько храбрыми людьми, как он сам, и что им может быть страшно.

Была в нем черта такого эгоизма: если ему как фотокорреспонденту нужно было сделать свое дело, он, ни с чем не считаясь и не жалея себя, готов был подвергнуть опасности и окружающих. Он

Павел Трошкин всегда в походе, всегда с бойцами...

просто в этот момент забывал о них. В то же время он сам никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлял товарища. Если тебе нужно было идти вечером, в сумерки, когда он уже не мог снимать, куда-то на передний край, чтобы говорить с людьми, не могло быть и речи, чтобы Трошкин оставался где-то сзади, в спокойном месте, и не пошел бы с тобой. Он просто не представлял себе этого. Он все равно шел всюду, куда шел его товарищ, даже если в этот момент для него, как для фотографа, это было абсолютно бессмысленно.

А в общем, ездить с ним вместе означало действительно все время быть вместе. Всюду, куда тебе нужно было идти, он шел с тобой; но всюду, куда нужно было идти ему, ты должен был идти вместе с ним. То есть он этого не требовал, но так себя вел, что это как-то уж само собой получалось! Было неудобно проявлять трусоватость, или, мягче выражаясь, благоразумие, находясь рядом с этим неукротимым человеком.

Когда я в книге «Живые и мертвые» писал главы, связанные с боями за Могилев, я часто вспоминал при этом Павла Трошкина, потому что именно с ним мы были там, под Могилевом, и с ним потом выбирались оттуда, и именно его, первая в советской печати большая панорама разбитых немецких танков вместе с моим коротким очерком была помещена тогда же, в конце июля сорок первого года, в «Известиях».

А следующая наша поездка на фронт с Трошкиным чуть не кончилась плохо из-за его неукротимого характера.

Мы были в штабе одной из дивизий, в районе Дорогобужа, и оттуда поехали на передний край, в разведбат, стоявший где-то в лесу, у Соловьевской переправы. Кстати сказать, мы привезли в штаб дивизии пакет от командующего армией, а командир дивизии, когда мы обещали ему, что, безусловно, доберемся до его разведбата, дал нам с собой пакет для вручения командиру разведбата. В сорок третьем или сорок четвертом году все это показалось бы странным, но тогда, в первые месяцы войны, именно так и было.

До разведбата мы в конце концов добрались, поговорили с людьми и сфотографировали их. Пакет вручили, расписку взяли, все, казалось, сошло благополучно. Но на обратном пути, не доезжая до Дорогобужа, мы попали в целую кашу. Немцы именно в эти часы, когда мы ездили в разведбат, разбомбили и дотла сожгли Дорогобуж. Эта бомбежка еще продолжалась, когда мы возвращались,— над дорогой туда и обратно шли «юнкерсы».

Дорогобуж был еще далеко, но над ним стояла полоса дыма. «Юнкерсы», тройками возвращаясь после бомбежки, бросали мелкие бомбы и поливали дорогу из пулеметов. Пришлось несколько раз выскакивать из машины и бросаться в кюветы. Потом над головами прошли еще «юнкерсы», на этот раз четверка. С земли стреляли из винтовок и пулеметов. Один из «юнкерсов» задымил, стал падать, и из него высыпались четверо на парашютах. Они спускались недалеко от дороги. Три остальных «юнкерса» снизились и стали на высоте семидесяти—восьмидесяти метров кругами ходить над тем местом, где приземлились немецкие летчики, густо обстреливая из пулеметов окружающую местность. Видимо, они решили спасти своих — под прикрытием огня двух самолетов посадить третий на поле и забрать приземлившихся летчиков. В воздухе стоял сплошной гул моторов, яростная трескотня пулеметов и снизу и сверху, потому что все, кто находился на земле, били по «юнкерсам».

Трошкин, решив снять вблизи пикирующий «юнкерс», помчался к какому-то стоявшему недалеко от дороги каменному зданию, вылез на крышу и, дождавшись, когда «юнкерс» проходил у него над самой головой, снял его. Но этим он не удовлетворился и побежал на поле, где приземлились немецкие летчики. На наше счастье, к этому времени с земли подожгли еще один «юнкерс», и он врезался в землю, а два других — или поняв, что у них ничего не выйдет, или расстреляв все патроны,— ушли.

Я побежал вслед за Трошкиным, который помчался снимать немцев, но когда добежал, то увидел, что наши набежавшие со всех сторон солдаты схватили там, на этом поле, не только немцев, но и Трошкина. Он был в летней синей пилотке, в испанской кожаной курточке поверх гимнастерки да еще с немецкой «лейкой» на груди. Разоружая летчиков-немцев, уполномоченный особого отдела полка схватил и Трошкина, приняв его за еще одного сбросившегося с самолета диверсанта.

Для того, чтобы объяснить последующее, надо вспомнить тогдашнюю обстановку. Западный фронт, конец июля, дикая бомбежка Дорогобужа, зарево вполнеба, дорога, на которой множество только что расстрелянных немецкими самолетами людей, первый сбитый самолет, первые пойманные летчики. Люди, в толпу которых я попал выручать Трошкина, были вне себя. И когда я стал выручать его, то в меня самого уперли несколько винтовок и автоматов, разоружили и арестовали. Уполномоченный, на котором буквально лица не было и которого я на следующее утро, когда он пришел в нормальное состояние, просто-напросто не

узнал, отказался даже смотреть наши документы. Не помогли и мои требования посмотреть хотя бы расписку на пакете, который я отвозил от командира их же дивизии в их же разведбат.

В общем, нас посадили вместе с немцами в кузов грузовика. Трошкину и нашему водителю, так же, как и немцам, связали ремнями руки, а я всю дорогу жалел, что не дал этого сделать с собой, потому что меня целый час везли с упертым в живот автоматом со снятым предохранителем.

Я никогда, ни до, ни после, не видел Трошкина в таком состоянии. Вдобавок, как выяснилось только вечером, у него была ангина, температура под сорок... Трошкин сидел в кузове грузовика со связанными руками и, косясь на сидевших тут же рядом и ничего не понимавших немцев, с перекошенным от гнева лицом кричал уполномоченному:

— Ты дурак, ты мальчишка! Руки мне связал, дурак. Я третью войну воюю, а ты еще первых немцев видишь. Панику устроил, дурак...

— Молчать!.. Молчать!..—кричал уполномоченный.

— Хорошо,— кричал Трошкин,— я замолчу! Хорошо, буду сидеть связанный... Я тебе еще покажу, когда приедем в штаб дивизии. Отодвинь от меня, дурак, этих немцев, чтобы я с ними хоть рядом не сидел...

Он кричал это, одновременно брезгливо стараясь отодвинуться от немецких летчиков, которых так же, как и его, качало из стороны в сторону в кузове несшейся по разбитой дороге машины.

Потом мы добрались в штаб дивизии. Все в конце концов обошлось благополучно: нас освободили, уполномоченному намылили голову, вернули нам фотоаппарат Трошкина, дали ему лекарство. К утру температура у него стала уже не сорок, а тридцать девять. Я хотел, чтобы он отлежался, но он настоял на том, чтобы ехать в редакцию: хотел скорее проявить пленку. Он безумствовал, потому что ему не дали вчера снять схваченных немцев. Как раз когда он побежал к ним, его самого схватили за руки; но утешался хотя бы тем, что сделал необыкновенный снимок — с тридцати — сорока метров, в лоб, с телеобъективом снял пикирующий «юнкерс».

Не берусь описывать, что с ним творилось в редакции, когда выяснилось, что бдительный уполномоченный не только арестовал его самого, но и, пока в штабе дивизии разбирались, что к чему, успел засветить всю пленку в аппарате.

Весь этот эпизод, о котором я вспомнил, носит, конечно, частный характер. Но мне показалось, что в этой истории проявились некоторые живые черточки характера человека, о котором я пишу. Оттого я и вспомнил об этом нашем совместном с Трошкиным приключении в первый месяц войны.

Были потом и разные другие встречи и поездки, но пишу об этих первых: и потому, что как первые они особенно врезались в память, и потому, что все это сохранилось в моих дневниках.

А как ни говори, дневник — это полезное подспорье для памяти, когда ей приходится трудиться над событиями двадцатилетней давности.

Северо-восточнее Туапсе

Осень 1943 года... Как военный фотокорреспондент я был тогда на участке фронта, который в сводках Советского Информбюро назывался «Северо-восточнее Туапсе». Здесь во взаимодействии с другими родами войск действовала легендарная морская пехота.

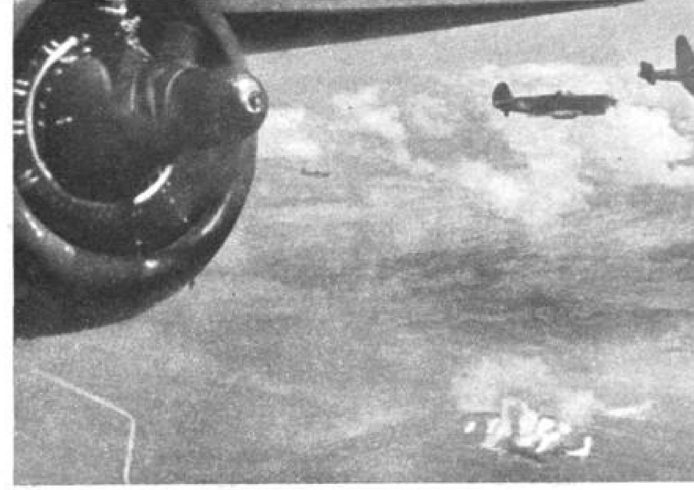
Эти люди в тельняшках и бескозырках сошли с кораблей на сушу и героически сражались за Одессу и Севастополь, за Москву и Ленинград, за полуостров Рыбачий у Баренцова моря и за Кавказское побережье Черного моря.

Их моряцкий клич — «полундра!» наводил ужас на врагов. «Черная смерть» — называли наших моряков фашисты, «морская душа» — говорили о них с любовью советские люди. Заслуженная боевая слава шла о батальоне морской пехоты, которым командовал журналист Герой Советского Союза майор Цезарь Куников. Это они, куниковцы, студеной февральской ночью 1943 года, по горло в ледяной воде, высаживались в районе Станички, создавая плацдарм на Малой земле. Это они, куниковцы, осенью 43-го года первыми высадились на набережной Новороссийска, чтобы начать освобождение города от врага.

В те суровые осенние дни я и сделал эти снимки, когда бок о бок с армейцами морские пехотинцы уничтожали и громили врага и, не жалея жизни, стояли насмерть за свободу и независимость нашей Родины.

А. УЗЛЯН

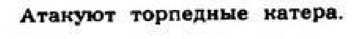
Фото автора.

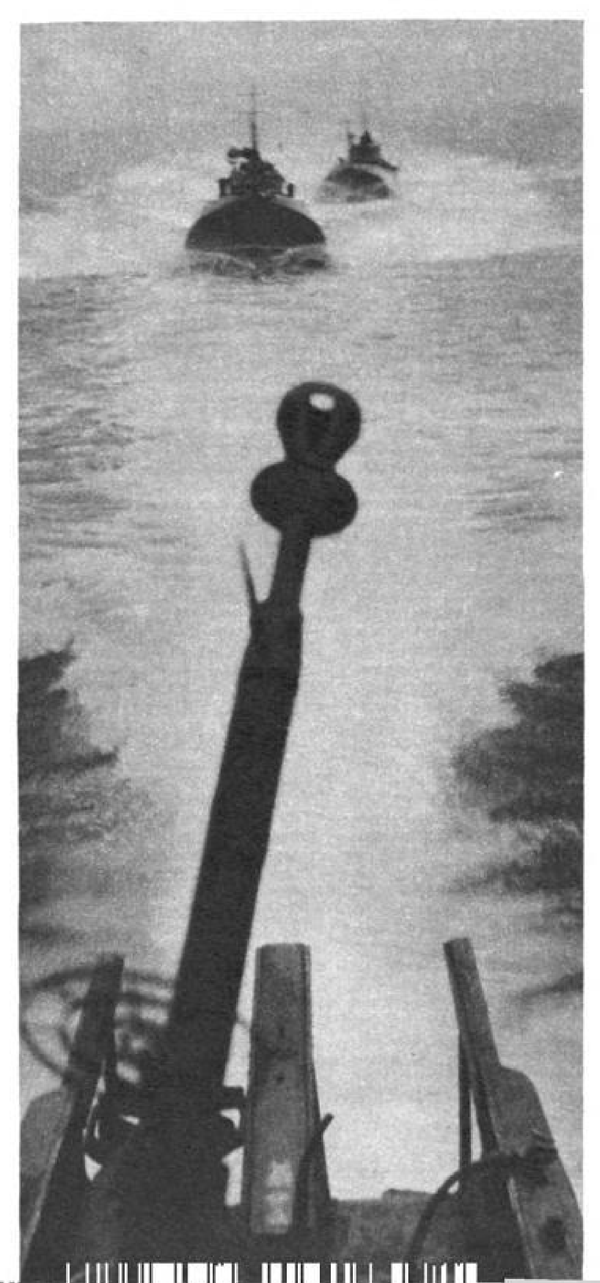
Авиация поддерживает морскую пехоту.

На рубеже.

Атакуют торпедные катера.

Вперед и только вперед!

Три богатыря

В 1935 году Алексей Максимович Горький посоветовал поэту Илье Сельвинскому создать эпопею на основе киевских былин. Поэт с увлечением взялся за работу и посвятил ей более двадцати лет. Мы печатаем отрывок.

Пришел на Русь грабить заморский богатырь чудовищной силы. Встретился с Ильей Муромцем, который узнал в нем своего сына Подсокольника. В бою отец убивает сына и уходит горевать в дремучие леса.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ПЕСНЬ XIX

Уж во тех же лесах зеленых,
Уж во тех же борах во черных
То не сер медведь буреломом прет
Поперечь дубам да поддубушкам,
То преславный богáтырь Илья Муромец
Ищет покою да тӣшины.

Как на той-ле зеленой затреси
Плавали две рябых утушки,
Носиком с носиком плавали,
Втихую кругами носилися
Будто без шевелимости.
Подошел к ним Илья — они не вспурхнули,
— «Го!»— сказал — не пугалися.
Подумал, подумал Илья Муромец,
Зде решил оставатися.

У той-ле у затреси зеленыя
Ягоды этой — сила была!
Брусничника да малинника
Да всякой иной самородины.
Набрал Илья шляпу ну, до-верху,
Сидит он, ягоду кушает,
Кушает, а сладости не слушает:

Слезы из глаз его катятся,
Сердце кровью обливается:
Убил он сыночка ведь единого.

Так и сидел Илья Муромец,
Голова его бесталанная.
А как рядом веточка хрустнула...
Глянул богáтырь искосу,
Видит: стар-старичок стоит.
Махонькой сам, сутуленькой,
О двух струях бородушка,
Нос тычком, голова торчком,
Лапоточки на нем еще мяконьки,
Из той боровой трын-травушки
Косичками заплетённыя.
За ним прискакали три заюшка,
Лапушки подняли — молятся.
Смотрит на них Илья Муромец
(Экая, думает, невидаль!)

— А ты кто будешь, старинушка?

— Лесовичок я тутошный.
Пришел вот к тебе наведаться
Со своима меньшима братцами:
Како живешь? Чего жуешь?
А и что во бору те надобно?

— Ничего мне, леший, не надобно.
Ушел я нунеча из дому
От той-ле жены-красавицы,
От того-ле ласкова тестюшка,
Ото всего угодия —
От себя ж самого не могу уйти.

— Это что же так-то, пустынничек?

— Грех меня, леший, мучает!
Грех на мне лежит недвижимый,
Давит меня камнем — Алатырем.

Скрипнул тут лесовик он стрёкотом,
Словно б сорока захихикала:
— «Экой ты, право, пустынничек!
Грехи человеку не дадены,
Это сам человек их повыдумал,
Вымыслила вера христианская.
Ты взгляни на дубы да поддубушки,
Да на этих-ле белых заюшек,
Да на тех на рябых на утушек,

РУССКИЙ ИНЖЕНЕР В ЕГ

Е. П. Ковалевский.

Среди раскаленных песков Нубийской пустыни медленно движется караван. Он держит путь на юго-восток, к границам Судана и Эфиопии. Привычные к зною пустыни верблюды не спеша шагают по сыпучим пескам, покачивая на своих спинах дремлющих путников. Только один человек пристально всматривается в безбрежную даль. На нем форма русского инженера горного ведомства. Это Егор Петрович Ковалевский, горный инженер и неутомимый путешественник. Он направился в глубь Африки по просьбе египетского паши Мухаммеда Али. Паше стало известно, что побывавший в 1837 году в Черногории русский инженер Ковалевский успешно провел там разведывательные работы и помог черногорцам построить прииск по добыче золота. В 1843 году Мухаммед Али обратился в Петербург с просьбой направить в Египет опытных инженеров для оказания помощи в освоении вновь открытых месторождений золота. Русское правительство пригласило египетских мастеров горного дела приехать для ознакомления с техникой золотодобычи. В Россию были командированы два молодых египетских инженера — Дашури-эль-Шериф и Али Мухаммед. Обучать их горному делу поручили Е. П. Ковалевскому, работавшему тогда на горных приисках Урала и Алтая.

Инженер встретил своих учеников в Петербурге и вскоре стал для них самым близким и задушевным другом. Под руководством Ковалевского египетские инженеры изучали русские методы добычи и промывки золотоносных песков и сами промыли более 500 пудов золотоносных песков, а также приняли участие в разведочных экспедициях. В мае 1846 года Али Мухаммед и Дашури выехали на родину. Перед отъездом они заявили, что «испытывают чувства непритворной благодарности к лицам, оказавшим всевозможное содействие к дальнейшему их образованию». Особенно горячо благодарили они Ковалевского. Паша Мухаммед Али наградил русского инженера табакеркой, украшенной бриллиантами. Вскоре в Верхнем Египте были открыты новые месторождения золота, и египетский паша вторично обращается к России с просьбой направить в Египет знатоков горного дела. К радости Мухаммеда Али, в Египет поехал Егор Петрович Ковалевский. Вместе с ним отправились штейгер Бородин и золотопромывальщик Фомин. В декабре 1847 года Ковалевский со своими спутниками был уже в Александрии. Власти и население встретили русских специалистов с редким радушием и теплотой. Из Александрии экспедиция направилась в Каир, а оттуда на специальном пароходе вверх по Нилу. Перед глазами уральцев проплывали живописные берега с высокими финиковыми пальмами и величественными памятниками древнего Египта. Но жалкие лачуги земледельцев-феллахов, теснившиеся по берегам великой африканской реки, наводили Ковалевского на грустные размышления. «Нет в мире народа несчастнее феллахов»,— записал он пословицу обитателей нильских берегов.

На пятый день плавания подошли к утопающему в зелени садов древнему Асуану. Дальше Нил преграждали многочисленные пороги. В Асуане русские путешественники провели несколько дней. Затем они, погрузившись на барки, поднялись до Куруску, дальнейший их маршрут пролегал через знаменитую Нубийскую пустыню.

Шли, не останавливаясь, по тринадцать часов в день. Трудно было уральцам переносить зной пустыни. Их кожа под палящими лучами солнца покрылась большими

На хозяина самого, Потапыча,
Да на всяко лесное дыхание —
Нешто они во грехе живут?»

Хотел Илья Муромец ответствовать,
Да не с кем стало беседовать:
Заместо мелкого лешего
Ан голубо-куревкó стоит.
Двинул Илья был плечиком,
Глядь — очнулся во шалашике.
— «Э!» — подумал Иванович:
— «Все, видать, мне приснилося».

Зорька над бором занимается.
Пошел Илья к затреси умытися.
Как на той-ле зеленой затреси
Две рябыя те утушки
Про меж себя разговаривают:
— «Уж и день-то каков будет, Рябушка!»
— «И не говори, голубушка!»

Подивился на них Илья Муромец,
Ничего не сказамши, призадýмался,
Эдак сидел до пабедья.
На полдни к нему-де пришлому
Медведь-хозяин пожаловал.
Илья уж тому улыбается:
— «Садись, Михайло Потапович!»

Подходит медведь ко шалашику,
Обнюхал все его веточки,
Веточки все да и лесиночки,
Слизнул мимоходом орешинку,
Сказал человечьим голосом:
— «Не больно, брат, ты обладился...
Берлога моя просторнее:
Две горницы в ней да еще нужничок.
Хошь — ко мне гостевать иди».

Вечерял Илья у шалашика,
Кушал ягоду всякую:
Костеника сладка, ежевика сладка,
А уж та земляника — чиста сахара.

Как тут рядом хрустнула веточка,
Три поскакали заюшка,
Лапушки подняли — молятся,
А там лешачок покряхтывает,
Покряхтывает да покашливает:
— «Здравым буди, пустынничек!
Ну, вот видишь, как все обернулося?
Еще дня ты не прожил зде, Иванович,
А уж речи умеешь звериныя,
Да и горе твое черное просвѐтилось».

Заскрипел лешачок он сорокою:
— «Наша вера языческа — легкая!»

Хотел был Илья ему ответствовать —
Опять же одно куревкó стоит.
Засмеялся тут Илья Муромец:
— «Не любит леший противления.
А и, может, противиться-то не к чему!
Горе и впрямь просветилося».

Только Илья во шалашике
Почивать собирается,
Ан медведь к Иванычу пожаловал:

— «Пойдем,— говорит,— ко мне,—
говорит,—
Как моя-то ноне медведица
Медвежатами окотилася,
Угощу я тебя на радостях
Медом, пустынничек, липовым».

Встал Илья — делать нечего.
Как обидеть хозяина?

Пошли тут медведь с отшельником
Ко той-ле медвежьей ко берложине,
Говорит медведь отшельнику:
— «Ты, дядя, в берлогу ту сам не лазь,
Как раз без башки останешься:
Коли у старухи моей — детушки,
Она и меня-то не пущиват.
Посидим у чела у берложьего,
Есть будем меду липова,
Сама к нам вылезет медведица».

Взгрустнулося тут Илье Муромцу,
Вспомнилось родимое чадушко,
Только вздыхати тут некогда:
Бурелому за ночь понавалено!
Медведь идет, словно лебедь плывет,
А Илье дак плоше приходится.

Долго ли, коротко лазили
Через тот бурелом приятели,
Пришли ко берлоге медвежеей,
Остался гость-от у выхода,
Хозяин в логово заглядывает —
Нету дома медведицы,
Вышла, должно, поблизости:
Только три слепых медвежочка
По той-ле горенке пошаривают.
Подмигнул тут Михайло Потапович
Своему приятелю: «Тише, мол!»
Влез он во тую во горенку,
Осклабил хайлó звериное
Да всех медвежаток в одно сожрал,
Только их лапой подкидывал.

Как увидел то Илья Муромец,
Вся душа-то в нем загорелася,
Рванул в сердцах кряковитый дуб
Со всем корням да землицею,
Хватил по башке той медвежеей,
Разнес башку тую в косточки,
А сам пошел во царев кабак.

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

ИПТЕ

красными пятнами. Мучила жажда. Несмотря на невыносимую жару и жажду, Ковалевский систематически вел наблюдения. Всматриваясь в даль безводной пустыни и вспоминая ужасающую нищету египетских деревень, Ковалевский думал о возможности улучшить условия жизни феллахов. В голове ученого рождались проекты превращения безжизненной пустыни в цветущие плодородные поля. Особенно его занимала мысль о строительстве канала, который перерезал бы Нубийскую пустыню с севера на юг, от Куруску до Абу-Хамида. «Канал,— писал Ковалевский,— соединил бы Нил от одного колена до другого и положил бы надежный путь непрерывного водного сообщения и дал бы простор населению и хлебопашеству. Предприятие огромное, но не невозможное».

После десяти мучительных дней уральцы снова увидели воды Нила. Путешествие продолжалось на парусных лодках-дахибие. Когда за спиной у экспедиции было более двух тысяч километров, она наконец достигла конечного пункта — подножия горы Кезан на границе Судана и Эфиопии. Здесь произошла радостная встреча Ковалевского с его бывшими учениками Али Мухаммедом и Дашури. Они с нетерпением ждали приезда русского инженера, потому что столкнулись с большими трудностями при организации промывки золота. Штейгер Бородин и золотопромывальщик Фомин под руководством Ковалевского сразу же приступили к делу. Работали днем и ночью. Рука об руку с русскими специалистами трудились арабские мастера горного дела. «Мне во всех приготовлениях,— пишет Ковалевский,— помогали Дашури и Али Мухаммед...»

Организовав строительство фабрики и открыв несколько новых месторождений золота, Ковалевский предпринял смелое путешествие к самым верховьям реки Тумат, впадающей в Голубой Нил. «Целью этой моей экспедиции,— писал он,— было не суетное тщеславие проникнуть далее других в середину Африки, а желание пояснить географический вопрос об источниках Нила». Ученый установил связь с вождями независимых племен макади и галла, населяющих западную часть Эфиопии. «Под покровительством некоторых из них и в сопровождении других,— писал Ковалевский,— я отправился в путь...» Его сопровождали штейгер Бородин и Али Мухаммед. Отряд Ковалевского достиг самых верховьев реки Тумат. До этого сюда не добирался ни один европеец. Район представлял немало загадок для географов. Ковалевский собрал богатые коллекции минералов. Он первым из европейцев побывал в западных областях, населенных галла, и развеял распространяемые колонизаторами слухи о каннибализме галла.

Возвратившись на родину, Ковалевский написал талантливую книгу «Путешествие во внутреннюю Африку». Смелое для своего времени выступление ученого в защиту африканцев встретило горячее одобрение передовой русской общественности, в частности Н. Г. Чернышевского.

Ковалевский выступил за установление экономических связей России с Египтом и Эфиопией через порты Черного моря. Он подал правительству две докладные записки: «Проект торговли России с Египтом» и «Нынешнее политическое и торговое состояние Судана и Абиссинии». Правительство рассмотрело проекты Ковалевского. Было предложено организовать особые компании по торговле с Египтом. Ковалевский, Фомин и Бородин за успешно выполненные работы в Египте были отмечены как русскими, так и египетскими наградами.

Кандидат исторических наук
В. ВИНОГРАДОВ

Рисунок из книги Е. П. Ковалевского «Путешествие во внутреннюю Африку».

Н. Кравцова-Меклин (слева) и И. Себрова. Кубань. 1943 год.

Рассказы о моих подругах

Герой Советского Союза
Наталья КРАВЦОВА

Автор этих рассказов — участница Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, летчица Гвардейского женского авиационного полка, которым командовала Герой Советского Союза Е. Д. Бершанская-Бочарова. Сделала 982 боевых вылета. Сейчас работает над книгой о летчицах этого полка.

ЮЛЬКА

Юлия Пашкова — летчик. Погибла в марте 1943 г.

Она пришла к нам в полк неожиданно, девчонка с осиной талией и независимой походкой.

Осень ярким ковром лежала на склонах гор. Под ногами шуршали листья. И небо было синее-синее.

В то время мы уже несколько месяцев воевали. И первые, совсем новенькие ордена сверкали на наших гимнастерках. Мы прочно закрепились у предгорий Кавказа и не сомневались в том, что теперь путь наш лежит только вперед.

Ее звали Юлей. Нет, Юлькой. Потому что все в ней говорило о том, что она Юлька. Лихой, отчаянный летчик. Орел! И то, что ей только девятнадцать,— пустяк. Дело совсем не в этом.

Черная кожанка, туго затянутая ремнем, аккуратные хромовые сапожки, шлем набекрень. Из-под шлема — солнечный ореол светлых волос. В глазах, голубых с коричневыми крапинками,— веселая смешинка. Уголки подвижных губ слегка подрагивают.

Вначале Юлька ходила молча, присматривалась, поводя темной бровью. Щурила глаза, улыбалась краешком рта, не разжимая губ,— не то презрительно, не то удивленно. И непонятно было, нравится ей у нас в полку или совсем наоборот.

А когда начала летать, сразу все увидели — нравится. Уж очень отчаянно летала Юлька. И ничего не боялась: ни зениток, ни грозы, ни выговора за лихачество. Летного опыта у нее явно недоставало. Зато было с излишком бесшабашной смелости и юного задора.

Мы очень скоро полюбили Юльку. И уже не могли себе представить, как же мы раньше жили и не знали, что есть на свете веселая девчонка с чуть вздернутым носом, еле заметными веснушками на нежной коже и брызгами радости в глазах.

Без Юльки? Можно ли без нее? Соберутся девушки — Юлька запевает песню. Станут в круг — она уже в центре, отбивает чечетку или плывет, подбоченясь, так легко, словно ноги ее не касаются земли.

В Юльке почему-то нравилось все. И то, как она по-мальчишески рисовалась под бывалого летчика, и даже то, как относилась к жизни — с нарочитым пренебрежением.

Я помню Юльку всегда жизнерадостной, веселой.

И только однажды я видела ее совсем другой — притихшей, задумчивой.

Это было под вечер, когда мы собирались на полеты. В ту ночь мы должны были бомбить немецкий штаб и боевую технику в одной из кубанских станиц под Краснодаром. Юлька молча натянула на себя комбинезон, надела шлем, перекинула через плечо планшет, села на нары и безвольно опустила руки. Потом вдруг резко откинулась назад — легла на спину. Так она лежала некоторое время, глядя в потолок. О чем она думала? Мы ждали.

Наконец она с усилием сказала:

— В этой станице я выросла. Там моя мама.

Никто не произнес ни слова. Трудно было что-нибудь сказать...

Юлька решительно поднялась и куда-то ушла.

Через полчаса командир эскадрильи ставила нам боевую задачу. Задание было несколько изменено: нам всем поручалось бомбить боевую технику на окраине станицы, а Юлька со своим штурманом должна была на рассвете уничтожить штаб в самой станице.

— Я там знаю каждый дом,— объясняла она всем со странной торопливостью.

Мы понимали: она волнуется.

Штаб Юлька действительно разбомбила. Утром прилетела назад довольная, возбужденная. Размахивая шлемом, рассказывала:

— Понимаете, я видела свой дом! Спустилась и низко-низко над ним пролетела!..

Ветер трепал светлые Юлькины волосы, лицо ее горело. Такой она запомнилась мне на всю жизнь — на фоне ветреного неба, освещенная первыми лучами солнца, словно насквозь пронизанная светом.

Вскоре наши войска освободили Юлькину родную станицу. Но ей самой уже не пришлось там побывать. В одну из черных мартовских ночей случилось несчастье: над аэродромом столкнулись два самолета. Юльки не стало.

ИРИНКА МОЯ, ИРИНКА...

Ирина Себрова — летчик. Герой Советского Союза. Совершила 1008 боевых вылетов (фото 1945 г.).

Мы лежим на пригорке. Ира и я.

Солнце медленно скатывается к горизонту. Пахнут степные травы.

Отсюда виден край станицы, где укрыты в садах самолеты.

Я лежу не шевелясь. Белые облака плывут по небу, словно льдины по реке.

Надо мной у самых глаз — ромашка. Она кажется очень большой на тонком стебле. Я легонько пригибаю ромашку книзу. Потом отпускаю. Она, как живая, кивает головкой. Солнце золотит белый венчик...

Мы молчим. Я не вижу Иры, но чувствую,

что она неспокойна. Она часто ворочается. Наконец садится.

— Я пойду, Наташа.

— Еще рано, Иринка.

Она смотрит на часы.

— Да, рано... Но я все-таки пойду.

Я смотрю ей вслед. Невысокая тоненькая фигурка быстро удаляется. Я провожаю ее глазами, пока она не скрывается между самолетами среди деревьев.

Ира, Иринка, Ириночка! Я знаю, отчего ты волнуешься.

Ты неспокойна перед полетами. Не за себя, конечно. На тебе лежит большая ответственность. Наш командир эскадрильи Дина Никулина в госпитале. За эскадрилью отвечаешь ты. Нужно посылать людей на боевое задание. А это не просто. Особенно для тебя, для твоего мягкого характера. И особенно сейчас, когда в полку почти каждую ночь потери.

...На западе вспыхнул закат. Где-то там море. Верхушки деревьев в станице запылали, словно их кто-то поджег.

Мне вспомнился такой же яркий закат. Первые боевые вылеты. Тогда я летала штурманом. У меня не было постоянного летчика. Зачем-то меня назначили начальником связи эскадрильи (должность, которая совсем не нужна была в полку «ПО-2»), и мне приходилось часто дежурить по полку.

Однажды (это было где-то на Дону) я собиралась на дежурство. Все ушли на полеты. В открытую дверь я увидела, что в соседней комнате кто-то есть. На койке неподвижно сидела девушка.

Ирина! Она тоже не летала: ее самолет был неисправен.

Я медленно приблизилась к ней. Она не шевельнулась.

Мне всегда нравилась эта скромная, удивительно симпатичная девушка. Ей как-то сразу не повезло, хотя она прекрасно летала. Она чуть не разбилась в Энгельсе, когда на ее глазах погибли четыре наши девушки. Сама Ирина и ее штурман чудом остались живы. Потом на фронте в одном из первых боевых вылетов она на посадке повредила самолет из-за препятствия.

По натуре очень впечатлительная, она тяжело переживала свои неудачи. И, мне кажется, на какое-то время даже потеряла веру в себя. Впрочем, это чувство неуверенности переживает рано или поздно каждый летчик.

Мне хотелось сказать ей что-нибудь хорошее. Но я не находила нужных слов. И вдруг спросила:

— Хочешь... со мной летать, Ирина?

Я спросила ее так, потому что знала: их экипаж собираются разъединить.

Она посмотрела на меня как-то странно и отвернулась.

— Не знаю. Мне все равно...

Все равно... Сначала я не знала, как это понять. Потом решила, что все равно — значит, согласна... Согласна!

И я тут же, оставив Ирину, бросилась в штаб. Через минуту я уже сидела перед начальником штаба Ракобольской.

Умные черные глаза, казалось, заранее читали мои мысли. Она чуть-чуть улыбалась, слушая мою просьбу. Конечно, она все понимала: ведь и сама она штурман и тоже хотела бы летать! Но ее, бывшую студентку, назначили начальником штаба (учитывая большой опыт общественной работы в университете).

Я всегда удивлялась тому, как она, сугубо гражданский человек, могла так сразу превратиться в начальника штаба, в руках которого находились все нити управления полком. Ее уважали, слушались. Конечно, ей было трудно. Но мы даже не догадывались об этом, она вела себя так, будто всю жизнь работала начальником штаба. Ей как-то удавалось быстро, на ходу решать сложные вопросы, исправлять ошибки, учиться...

— Хорошо,— сказала Ракобольская.— Я думаю, мы так и сделаем.— Она ободряюще улыбнулась.

И вот у меня «свой» летчик — Ира Себрова. Чем ближе я узнавала ее, тем больше она мне нравилась.

Душевная мягкость сочеталась в ней с высокой принципиальностью и твердостью характера. Чувство долга, ответственности всегда стояло у нее на первом месте. И она никогда не шла ни на какие компромиссы со своей совестью. Ни при каких обстоятельствах!

С Ириной вместе в одном экипаже я летала около года.

Но и потом, когда я переучилась на летчика, мы никогда не расставались. По крайней мере на земле. В воздухе же каждая из нас всегда знала, чувствовала, где находится другая.

...Солнце зашло. Я быстро спустилась с пригорка.

Механики готовили самолеты к вылету.

Галочка Пономаренко, маленькая, расторопная, встретила меня, как обычно, с улыбкой и доложила с мягким украинским акцентом:

— Товарищ командир экипажа, самолет в исправности. К полету готов!

Я очень ценила своего механика. Не только потому, что своим как будто незаметным трудом Галочка обеспечивала безотказную работу самолета, но и потому, что она умела вовремя улыбнуться, сказать нужное слово, пошутить. И от этого часто становилось легче на душе, спадало напряжение перед трудным вылетом, улучшалось настроение...

Боевую задачу долго не давали. Наконец командиры эскадрилий вернулись со старта. Ира собрала нас.

— Противник усилил ПВО, укрепив ряд пунктов вдоль линии фронта. Сегодня первые два экипажа должны разведать огневые средства противника. Точно засечь расположение зенитных средств. Пройти вдоль дороги от Крымской...

Она подробно объяснила задание и маршрут. Потом помолчала.

— Разведчиками полетят: я и,— она взглянула на меня,— Меклин.

Я поднялась в воздух вслед за Ириной. Мы летели порознь, но я все время знала, что она где-то рядом. В стороне зажглись прожекторы, застрочили зенитные пулеметы. Наши маршруты встречались в районе станицы Киевской.

— Наташа, подлетаем к Киевской. Будь внимательна: здесь много зениток,— сказала штурман Полина Гельман.

В этот момент впереди вспыхнули прожекторы. Один, два, пять... Белые лучи, как щупальца спрута, вцепились в самолет. Снизу, словно вырываясь из земли, побежали к нему огненные трассы. Скрещиваясь в одной точке, они, казалось, прошивали самолет насквозь. Он маневрировал, кувыркаясь в лучах. Там были Ира и Женя Руднева.

Мы с Полиной спешили к ним на помощь. Но что могли мы сделать против этой массы огня? Отвлечь на себя? Это нам частично удалось. Кроме того, у нас еще оставались бомбы.

Полина выбрала зеркало ближайшего прожектора. Прицелилась. Бомбы полетели вниз. Прожектор выключился. Еще две бомбы она бросила по зенитному пулемету.

Мы были совсем рядом с Ирой, как вдруг увидели, что ее самолет начал падать, и потеряли его. Он исчез в черноте ночи.

Всю дорогу назад мы летели молча. Ужасные мысли лезли в голову. Я спешила, выжимая из мотора все возможное. Спешила, словно Ира ждала меня на земле.

Но Иры на аэродроме не было.

Время тянулось медленно. Я уже готова была поверить в самое страшное, как вдруг до моего слуха донесся едва различимый звук. Звук мотора ближе, ближе... Летел «ПО-2».

Через несколько минут мы с Полиной бежали навстречу рулившему самолету.

Я вскочила на крыло.

— Иринка! Женя! Вы прилетели!..

— Ну да. А что случилось?

— Ничего, ничего... Я потеряла вас там, над Киевской.

— Над Киевской нас немножко обстреляли. Ира была спокойна. Она даже не подозревала, что мы так волновались.

— Да, да. Мы с Полиной видели. Ну, все хорошо. Все очень хорошо...— Голос у меня задрожал.

Я спрыгнула на землю. Девушки ушли докладывать командиру полка.

А я отошла в сторонку, в темноту,— немного всплакнуть от радости...

ПРАВДА

«ПРАВДА», БУДАПЕШТ, 1919 ГОД

Этим газетным страницам сорок пять лет. Знакомый всему миру заголовок: «Правда». А под ним напечатано: «Орган русских коммунистов в Будапеште». И адрес: «Рожа утца, 61».

Как же сохранилась и как попала в Москву будапештская «Правда»?

Ее показал нам старый коммунист, активный участник революционных событий 1919 года в Венгрии Владимир Александрович Урасов. А ему прислал газету из Ужгорода М. Юдкович-Габор.

История газеты необычна. Известно, что во время первой мировой войны в австро-венгерский плен попало немало русских солдат. Находившиеся среди них большевики были боевыми организаторами, неустанно вели агитационную работу, не страшась преследований, не боясь лагерной охраны и полиции. Таким был и В. Урасов. В марте 1919 года в Венгрии вспыхнула революция, родилась Советская республика. Русские коммунисты сразу же начали издавать для военнопленных газету «Правда».

В «Правде» от 6 апреля 1919 года, которая лежит перед нами (это первый номер газеты), есть обращение к читателям-соотечественникам: «Очень многие из вас, оторванные от Родины, в чужой стране, не зная чужого языка, только мельком, понаслышке знают о том, что в эти четыре года произошло в России и что теперь происходит во всем мире. Но венгерский рабочий народ, завоевав себе свободу, дал и нам, русским рабочим и крестьянам, возможность собраться, обсуждать наши дела и издавать собственную газету».

На месте передовицы — крупный заголовок: «ПРИКАЗ!». Подписанный Бела Куном и другими членами Советского правительства, он объявляет об организации венгерской Красной Армии.

Рядом с приказом — обозрение международного и внутреннего положения, заметка «Юбилей Максима Горького».

С интересом читаешь обзор газеты «Юманите» от 25 марта 1919 года, которая решительно поддерживает Советскую Россию и Советскую Венгрию, пишет о выступлении Марселя Кашена в парламенте: Кашен обратился к французским солдатам с призывом не участвовать в контрреволюционном крестовом походе на Восток.

А вот заметка «Немецкие и австрийские рабочие вступают в венгерскую Красную Армию». Много места уделено Советской России, положению на фронтах. Напечатана сводка об успехах Красной Армии в районах Житомира, Шепетовки, Бердичева, Уфы. Крупным шрифтом набрано: «Одесса и Николаев взяты советскими войсками».

Откуда же газета получала информацию? Об этом рассказали нам Владимир Александрович Урасов, принимавший участие в выпуске «Правды», и Элиазар Липпович Чертов, который был заместителем редактора. Прежде всего они сказали, что выпуск газеты наладили легко и быстро: в Будапеште была типография с русским, французским и немецким отделами. В русском отделе начали печатать «Правду». Она получала обширную информацию о положении в Советской Венгрии, которую предоставляли венгерские товарищи.

Но больше всего сведений о России давали люди, которые прибывали оттуда, пробравшись через фронты и заслоны. Э. Чертов вспоминает, как однажды прибыл коммунист с Украины и привез несколько советских газет,— их перепечатали почти полностью, от строчки до строчки. Потом возвратился из Москвы венгерский коммунист Самуэль Тибор, по поручению Бела Куна ездивший к В. И. Ленину, и сообщения Тибора, дорогие сердцу каждого русского, были напечатаны.

Будапештская «Правда» издавалась до последнего дня существования Венгерской Советской Республики. После контрреволюционного переворота многое было уничтожено, и никто не ожидал, что газета сохранится: ведь вышло всего около 35 номеров.

В. РУДИМ

ЛИЧНО ПЕРЕЖИТОЕ

Глубокая достоверность отличает роман молодого писателя Анатолия Ананьева «Танки идут ромбом», посвященный Курской битве.

Роман этот не хроникально-документальное и не мемуарное, а художественное произведение. В центре его — юный лейтенант Володин. Мы видим переживания необстрелянного лейтенанта: его мечты о подвиге, любовь к девушке, мелкие промахи и тяжелые ошибки — первое серьезное огорчение из-за неудачной разведки и растерянность в момент налета фашистской авиации.

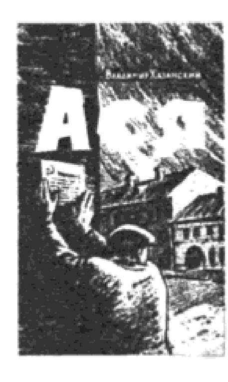
В романе Ананьева события развертываются на небольшом участке фронта во время первого, оборонительного этапа сражения. В бою каждый солдат держит фронт, а трусость всегда оборачивается чьим-либо несчастьем или чьей-либо смертью. Умным и храбрым командирам — капитану Пашенцеву, подполковнику Тáболе — противопоставлен трусливый майор Грива, который, губя других, не смог спасти и себя. Ненависть и презрение к трусам и паникерам все более крепнут в душе Тáболы. Не забывает он, как в сорок первом году под Киевом из-за нерешительности командующего, не посмевшего нарушить приказ Верховного (И. Сталина) и отойти, пока не сомкнулось кольцо немецких войск, попали в окружение четыре армии и лишь немногие пробились к своим, а большинство погибло в неравном бою и в фашистских лагерях смерти. Оттуда выходил и Пашенцев, несправедливо обвиненный в том, что находился в плену, и без всякой вины разжалованный. Воспоминания героев, связанные с боями на Барвенковском направлении, воссоздают один из самых трагических эпизодов войны.

Один только день (начало сражения, длившегося пятьдесят дней) показан в романе А. Ананьева, но читатель ясно ощущает масштабность происходящего. Это достигается не грандиозностью батальных сцен, а лирико-публицистическими отступлениями от лица героев, экскурсами в давнее и недавнее прошлое, обращениями к современности.

Правдивое изображение войны сочетается в романе с патетикой, патриотической лирикой: «Я слышал, как гудит земля, когда приближаются танки. В трудную минуту я не читал молитв, не к святой деве Марии, не к божьей матери обращался мыслью; я прижимался к тебе, земля, милая, древняя... И каждый раз ты, солдатская защитница, снова и снова дарила мне жизнь».

Н. ЧУКАНОВ

Анатолий Ананьев. Танки идут ромбом. Москва, Воениздат, 1963.

КТО ЖЕ АСЯ?..

Год 1942-й. В оккупированном Полоцке появляются листовки, подписанные смелой подпольщицей Асей. Кто она? Этот вопрос занимает не только гитлеровцев. Не знают Асю даже и сами подпольщики. Один из них, молодой парень Коля, даже заочно влюбляется в нее. Ася неуловима. Она организует побег из тюрьмы группы партизан, помогает бежать из плена раненым советским воинам, устраивает диверсии.

И лишь когда минует гроза, узнают люди: Аси никакой не было. А, С, Я, — это инициалы Артемьева Сергея Яковлевича, выдававшего себя за прислужника врага, а на самом деле ведшего упорную борьбу с ним.

Обо всем этом рассказывает В. Хазанский в своей книге «Ася», выпущенной Политиздатом.

История Аси правдива, это один из эпизодов великого партизанского похода на врага. С. Я. Артемьев живет сейчас в родных местах.

А. УСОЛЬЦЕВ

ДОРОГИ ВОЙНЫ

Роман Василия Соколова «Вторжение», выпущенный издательством «Советская Россия», вернее, первая книга задуманной им эпопеи, истоками своими восходит к предвоенным годам. Автор взял на себя труднейшую задачу не только романиста, но и военного историка — осмыслить в свете сегодняшнего дня исторические события.

Роман «Вторжение» не только военный роман, в нем содержатся все черты народной эпопеи; это роман не только о дорогах войны, но и роман о дорогах, которыми война приходит. Автор поднял исторические архивы, рассказывающие о подготовке к войне в Германии, он повествует о первых днях войны.

Мне пришлось быть свидетелем встреч Василия Соколова с Михаилом Шолоховым, когда еще только складывался замысел этой книги. Шолохов не уставал повторять Соколову, что для создания правдивой книги о Великой Отечественной войне мало быть писателем военной темы. Нужно мужество и еще раз мужество, чтобы рассказать правду о войне, нужно уметь ходить непроторенными дорогами.

Если не везде с достаточным художественным мастерством и вкусом, то уж, во всяком случае, со страстной любовью к людям Василий Соколов создал правдивый роман о войне, о героях народных, о том переломе, который завершился величайшей победой советского народа.

Ф. ШАХМАГОНОВ

Нету тверже сплава

Есть у Владимира Маяковского замечательные строки, которые поэтически возвышенно и точно выражают существо единения армии и народа, величие их задач и целей.

Сердце
        республика
                с армией спáла,
Нету
    на свете
                тверже сплава
Красная Армия —
                наша сила.
Нашей
        Красной Армии
                слава!

Эти вдохновенные строки, напечатанные в недавно вышедшей в Военном издательстве книге «Вместе с народом к великой цели», являются как бы эпиграфом к ней.

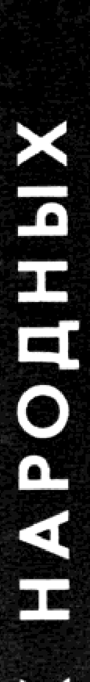
Книгу эту нельзя читать без душевного волнения. Ее создал большой коллектив авторов: передовики промышленных предприятий, колхозов и совхозов, герои-космонавты, советские военачальники, знатные воины, партийные работники, деятели литературы и искусства.

Убедительно, на многочисленных примерах книга рассказывает о силе ленинских идей, о трудовых успехах советских людей, об укреплении обороноспособности нашей страны. Через все материалы проходит мысль о нерушимом единстве армии и народа. Воинский труд необходим, как и труд по созданию материально-технической базы коммунизма, — таков лейтмотив всей книги. Она открывается высказываниями В. И. Ленина о единстве армии и народа.

В книге помещено много фотографий героев боев и героев труда, передовиков армии и флота, а также других иллюстраций и документов, показывающих неразрывные узы единства и дружбы советского народа и его воинов.

Семен БОРЗУНОВ

Вместе с народом к великой цели. Воениздат, 1964, 320 стр.

Про Эдуарда Калныня трудно сказать, кто он больше — мастер натюрморта, пейзажист или жанрист. С юности влюблен художник в Балтику. Изучил бесчисленные оттенки состояний и настроений моря, постиг привычки, сжился с капризным, вкрадчивым и грозным его характером, не хуже рыбаков, своих героев. Еще в 1935 году написал художник одну из лучших своих картин, «На плоту», а после войны создал такие же простые, проникнутые суровой сдержанностью полотна: «Новые паруса», «После рыбной ловли». Чутьем живописца он проник в тайну пристрастия северного моря к приглушенным, мягким оттенкам цвета.

Вот стоит художник «У моря». Спокойно разлилась у его ног притихшая, словно спящая, розовато-лиловая гладь. Завораживающая тишина воцарилась кругом.

На Выставке латвийского искусства, что недавно экспонировалась в Москве, Калнынь выступил только как пейзажист, как бы предоставляя молодым показать в полную силу, на что они способны. Ведь почти все молодые латышские художники — выпускники рижской Академии, где Эдуард Калнынь преподает живопись вот уже 30 лет.

Тема молодых живописцев та же, что у отцов и дедов, — родная Латвия. Только преобладают большие тематические произведения: современность, победа нового, красота труда, романтика будней.

...Прямая, как стрела, автострада пролегла по всхолмленной латвийской равнине, заставив посторониться проселочную дорогу. Деревья, что росли раньше где вздумается, теперь словно подтянулись к краю асфальтовой ленты, стараясь держать строй.

Настроение молодости, стремительности усилено радостным колоритом: розовая штукатурка строений, красноватые веточки, приготовившиеся встречать весну, румяный отсвет солнца на рыхлом снегу. Картина названа знаменательно: «Дороги становятся прямыми». Ее автор художник Заринь рассказывает, как всегда, о новом дне. Только однажды обратился он к истории: вместе с Клебахсом, в те времена также студентом Академии (мастерская Калныня), написали они картину «Латышские стрелки» — о первых бойцах за свободу Латвии.

Заринь и Х. Клебахс не только товарищи и сверстники. Оба были рабочими: Заринь на шпаловом заводе, Клебахс — на кафельном. Оба работали в театре — создавали декорации, эскизы костюмов. Зариню довелось даже быть актером-кукольником, Клебахс писал киносценарии. Но Заринь все свои вторые профессии приобрел до поступления в Академию, а Клебахс ушел после третьего курса в жизнь. В театре города Валмиера, где живет Клебахс, уже поставлен не один спектакль с его декорациями и костюмами. Однако станковой живописи художник верен по-прежнему.

Писать город, где краски словно тускнеют, может быть, труднее, чем работать на природе, где цвет всегда выявлен, радостен, чист, но Клебахс видит и в городском пейзаже множество оттенков. Он воспроизвел уголок «Старой Риги», которую очень любит.

Заринь и Клебахс — горожане, уроженцы Риги. Имантас Вецозолс — их младший товарищ по Академии, родился и вырос на хуторе. Наверное, поэтому ему особенно удаются картины о деревенской жизни, крестьянском труде. Да и пишет он словно не на холсте, а на дереве.

Картина Вецозолса «Урожайное лето» экспонировалась в Москве на выставке в одном зале с полотном Валдиса Дышлерса — «В дни съезда». Их как бы объединял общий призыв — пора за работу!..

Эльвира ПОПОВА

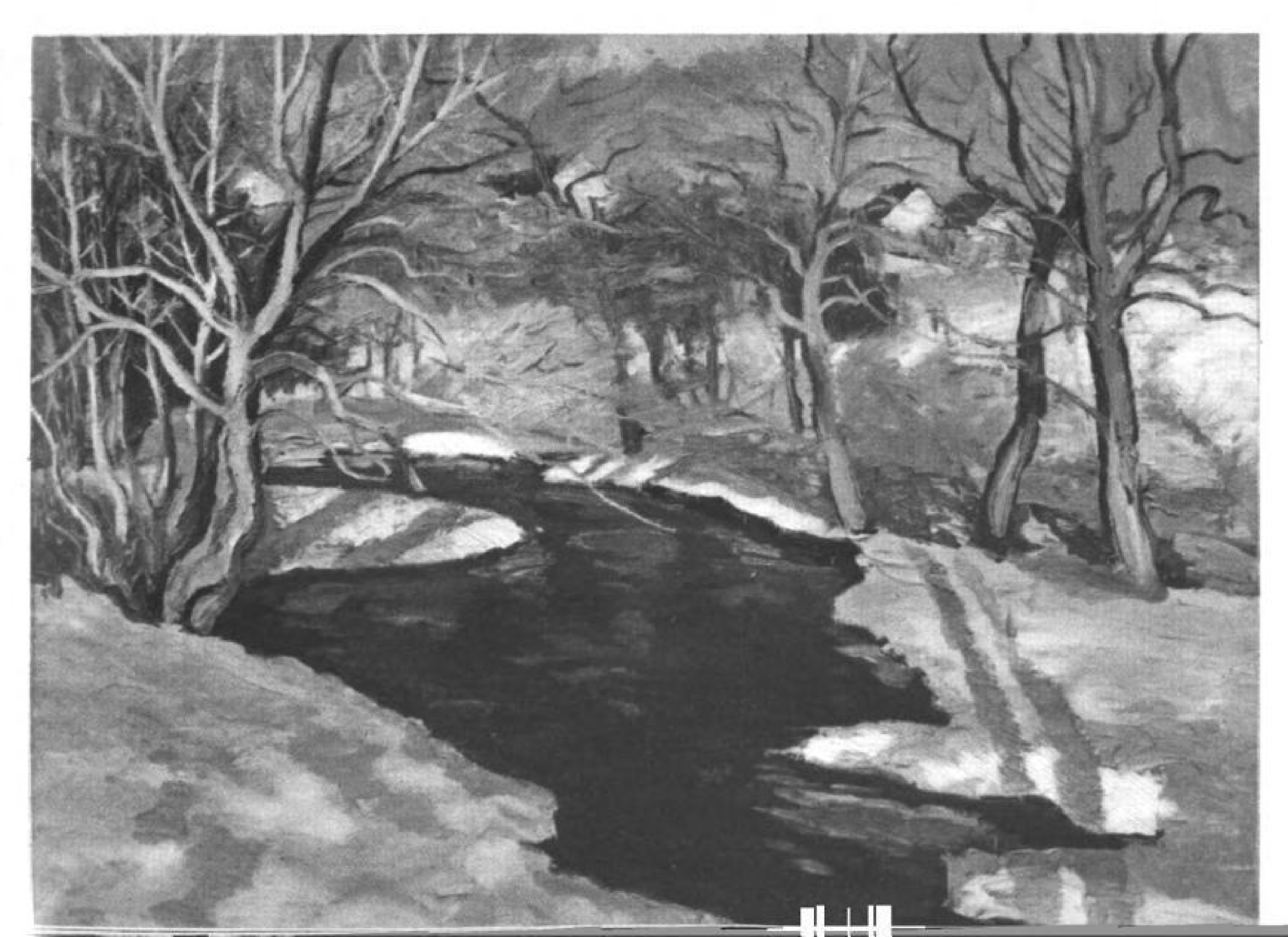
В. Дышлерс. В ДНИ СЪЕЗДА.

Э. Калнынь. У МОРЯ.

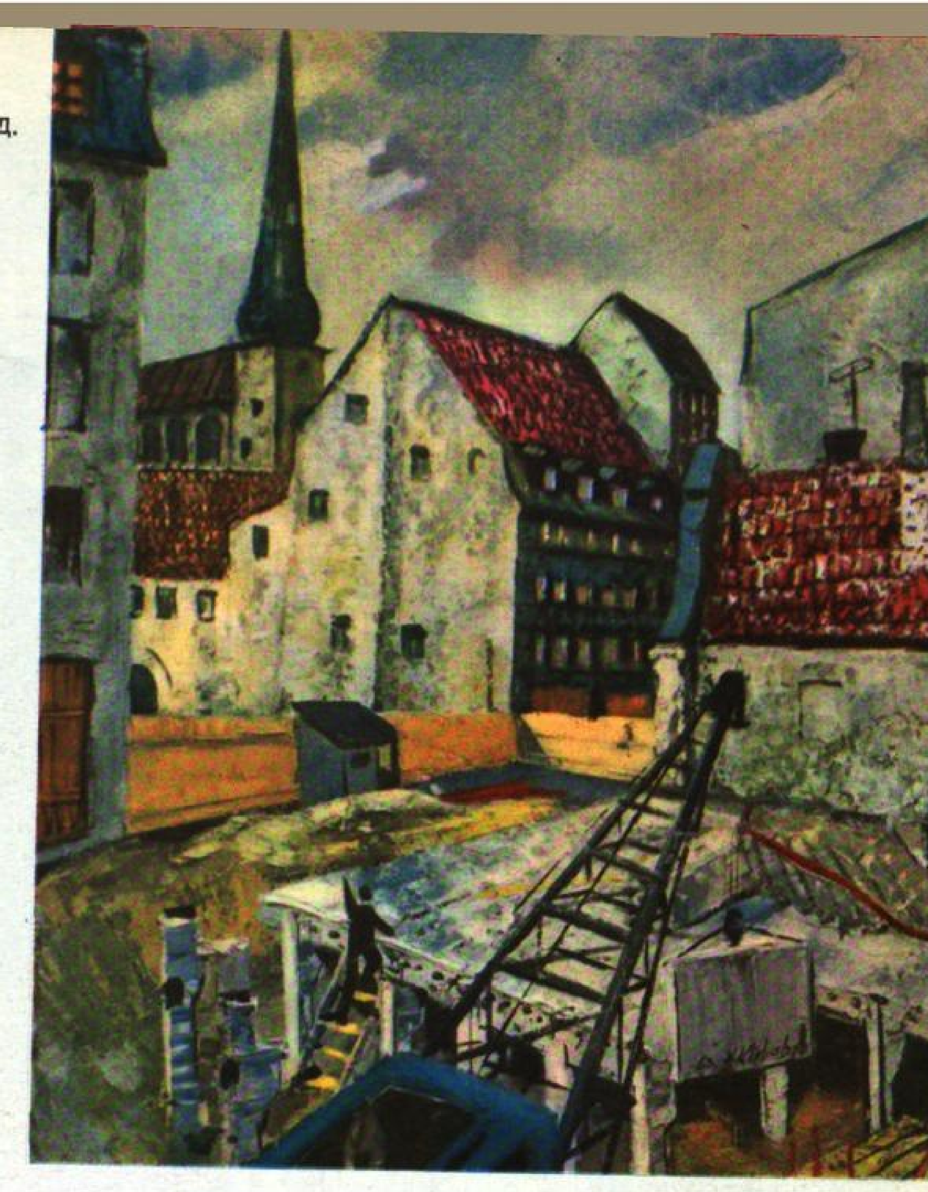
«Огонек». 1964.

И. Заринь. ДОРОГИ СТАНОВЯТСЯ ПРЯМЫМИ.

А. Артум. МАРТ.

Х. Клебахс. СТАРЫЙ ГОРОД.

Ю. Циркунов. СНОВА В РОДНОМ ПОРТУ.

И. Вецозолс. УРОЖАЙНОЕ ЛЕТО. РАДУГА.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Соотечественники

ДВА ПИСЬМА

Два письма с разных концов земли. Первое — из Канады:

«Я и большинство нас на чужбине, покинувших родину из-за нужды более 50 лет назад, гордимся, что мы русские и что вы, дорогие наши сынки и внуки, ведете нашу Родину к коммунизму. Теперь, на старости лет, я стал инвалидом. Глаза плохо видят, не работает правая рука, и ноги отказываются носить усталое тело. Но душа моя молода, и все мои помыслы — о далекой, любимой Родине». И подпись: «Н. С. Иваненко».

Второе письмо — из Туниса:

«Судьба занесла меня в Тунис. Нас, русских, было немного в этой африканской стране, где невозможно найти какую-либо работу. Я решил зарабатывать садоводством и огородничеством. По правде говоря, это моя слабость. Но не было земли, и мечты оставались мечтами. И вот удалось найти клочок земли, заросшей бурьяном, всего в несколько десятков метров. Работал на нем целыми днями, сажал укроп, огурцы, салат. И еще цветы моей далекой Украины. Я гордился двумя настоящими вишнями, привезенными одним земляком из Бессарабии. Этот садик как бы олицетворял далекую Родину. 7 ноября каждого года мы, русские, собираемся вместе, готовим русские блюда и едем на пикник в Карфаген, недалеко от города Туниса. Здесь, на берегу Средиземного моря, мы вспоминаем наши далекие родные просторы и поем русские и украинские песни...

Один из наших земляков вывез 46 лет назад с берегов Днепра ларчик родной земли. И сейчас это наша святыня, наш символ верности Родине. Недавно мы узнали, что в Москве создан Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом. В этом названии читается нечто большее: это улыбка матери Родины и теплая, дружеская рука русских людей. Мы долго ждали этой улыбки, и она пришла! Юрий Петрусенко».

Эти письма я прочел в небольшой, почти неизвестной в нашей стране газете «Голос Родины», которую издает Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Комитет создан недавно советскими общественными и профсоюзными организациями, творческими союзами интеллигенции. На организационном собрании одно выступление привлекло внимание своей взволнованностью и сердечностью.

— Когда я вернулся в Советский Союз после 20-летнего отсутствия и с наслаждением вдохнул воздух России, то как бы воскрес. Я неустанно и с неизменным интересом работаю в искусстве, стремясь в полной мере высказать любовь и признательность социалистическому Отечеству.

Это слова скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова, прожившего в США с 1924 по 1945 год.

Председатель комитета Владимир Михайлович Маляев сказал мне:

— Несколько миллионов соотечественников живут в США, Канаде, Бразилии, Аргентине, Уругвае, Франции, Англии, Австрии, Бельгии, Швеции, Финляндии, в странах Ближнего Востока. Куда только не забросила судьба людей из нашей страны! Значительную часть их составляют русские, украинцы, белорусы и литовцы, покинувшие родину еще в дореволюционное время в поисках работы и лучшей жизни. Немало людей эмигрировало в бурные революционные годы. Многих разбросала по всему земному шару вторая мировая война.

Конечно, все группы соотечественников подвергались на чужбине активной антисоветской обработке. Однако героическая борьба советского народа с фашизмом вызвала волну патриотизма среди эмигрантов, и многие из них в ту пору по мере своих сил и возможностей помогали нашей Родине. Последнее десятилетие, рост могущества СССР, его мирная политика еще больше обратили соотечественников к своей матери Родине. Об этом говорит поток писем, хлынувших в наш комитет.

ЧУЖБИНА

Я прочитал несколько десятков из большой груды писем. О многом рассказывали короткие строки, но еще больше можно было прочесть между строк.

Кому это отправляют посылку с пионерским галстуком? Оказывается. Татьяне Писагиной, во Францию. Зачем он ей понадобился? Вот ее письмо:

«...Теперь у меня к вам просьба: пришлите мне пионерский галстук. Напишите, как его носят и когда. Правда, я его сама носила, но боюсь, что не смогу теперь объяснить. Это для дочери. Ей уже 14 лет. Она тяжело больна, боится, что умрет. Я ей рассказывала о своем детстве, о пионерах. Вот она и просит похоронить ее с красным галстуком. Мои дети гордятся, что их мать русская, советская. Особенно любит родину своей матери мой сын. Он мечтает побывать в России. Но, к большому сожалению, это нам не по карману... Пришлите, пожалуйста, пионерский галстук...»

Рядом с посылкой для больной девочки лежат несколько книг и журналов. Они тоже пойдут во Францию, в город Авиньон, на имя Клары Бернард. Нет, она не француженка. До замужества носила русскую фамилию. Ее мать Пелагея Калинниковна и по сей день тоскует по дочери, угнанной два десятилетия назад. Теперь у Клары, вышедшей замуж за француза, двое детей. Внука Сергея бабушка видела в прошлом году: он приезжал в Советский Союз.

Но зачем жительнице Авиньона понадобились азбука русского языка, учебник «Родная речь»?

«...Мне выпало счастье быть в этом году учительницей русского языка. Целый месяц я преподавала в самой большой школе Авиньона. Я очень волновалась, ведь это такая ответственная общественная работа! Было у меня 70 учеников. Видите, как любят французы русский язык. Преподавала я с пятого по десятый класс. Дети очень интересуются Россией. Я раздала им все советские марки, которые мы с Сережей и Нелли копили годами».

На чужбине соотечественники сближаются. Земляк становится другом. Вот письмо Галины Талалай, которую судьба забросила в Голландию:

«Мы, русские, советские, живущие в Голландии, так сдружились друг с другом, что стали, как сестры. Мои дети крепко любят мою Родину. Читают они по-русски плоховато, но понимают все. Я могу вам похвалиться, что впервые мы, русские женщины, вместе со своими мужьями-голландцами справляли праздник Октябрьской революции. А случилось это так. Еженедельно по средам мы ходим друг к другу в гости. Когда собрались у меня, я сказала: «Девушки, давайте в складчину встретим праздник так же, как его встречают у нас на Родине». Все согласились. Пришли с мужьями и подняли бокалы за вас, дорогие товарищи, за Родину. Все говорили: вроде как дома побывали. Так мы будем делать каждый год».

А вот и плач с чужбины. Из Бельгии, от Н. Крайновой:

«У меня пятеро детей... Муж меня бросил больше двух лет назад... Я много работаю на поле, когда сезон сахарных бураков, уборка картофеля. Стираю для людей. Хожу убирать. Мне сорок лет, а я чувствую себя старухой... Узнала, что дети соотечественников из разных стран проводят летний отдых в советских пионерских лагерях. Может быть, и на долю моих младших детей выпадет счастье побывать на моей Родине?»

— Помогут ли ей? — спросил я.

— Возможно. Мы учтем просьбу этой женщины,— ответили мне в комитете.

У МОГИЛЫ ДЕДУШКИ

Дети наших соотечественников из Англии, Финляндии, Швеции. Австрии, Бельгии и других стран провели летний отдых в советских пионерских лагерях, в том числе и в прославленном Артеке. Я читал об этом и в благодарственных письмах родителей и в восторженных записях детей, которые те оставили Советскому комитету по культурным связям с соотечественниками.

Марина и Алик — брат и сестра из Австрии. Мать у них русская. У нее общая со многими советскими девушками судьба: фашистская неволя, встреча в лагере, замужество... Провожая детей, мать дала им фотографию памятника, который установлен в Алуште на могиле моряков-десантников.

— Под этим памятником похоронен ваш дедушка, мой отец,— сказала мать.— Поклонитесь его праху.

Эту карточку дети из Австрии показали вожатому и сказали о просьбе матери. Вскоре пионерская дружина «Лазурная» направилась в полном составе в Алушту. Все в парадной форме, с красными галстуками на белоснежных рубашках. Марина и Алик волновались, конечно, больше всех. Катер «Павлик Морозов» подвез пионеров к скалистому берегу, тому самому, у которого темной ночью высаживались под огнем десантники. Ребята бережно несли венок с алой лентой: «Героям-морякам от пионеров-артековцев».

У совхозного виноградника, над грудой морских камней, возвышался трехмачтовый корабль с поднятыми парусами. Это и была могила моряков. Пионеры возложили венок. Марина вплела в него свою голубую ленту, положила букетик полевых цветов и прошептала по-русски: «Это от мамы». Алик первым увидел фамилию дедушки: он был командиром отряда десантников.

— Любите нашу страну так, как любил ее ваш дедушка,— сказал детям вожатый.

— Обещаем! — ответили Марина и Алик.

BUON NATALE
MERRY CHRISTMAS
JOYEUX NOEL
FROHE WEIHNACHTEN
BOAS FESTAS

Я с моей семьей поздравляю вас и мою родину от всей души с новым годом с новым счастьем пусть идёт всё вперед наша дорогая родина [illegible]

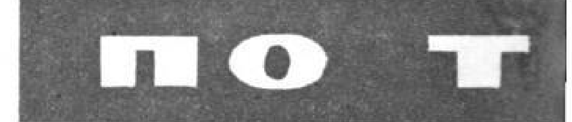
Поздравление из Италии. Сотни таких писем получает Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом.

О. КНОРРИНГ,
В. ПОНОМАРЕВ

Показать нам минскую телестудию мы попросили диктора Зину Бондаренко.

— Хотите за три часа познакомиться с жизнью Белоруссии? — улыбнулась она.— У нас это можно!.. Телевидение — это газета, радио, театр и кино. Каждое в отдельности имеет свои особенности и специфику. А когда все это вместе... Представляете, насколько все усложняется? Поэтому не удивительно, что человеку, впервые попавшему за телевизионные кулисы, может показаться странным, смешным и даже просто нелепым то, что на самом деле в эфире будет серьезным и значительным. Теперь я поведу вас в путь!..

←Это наша главная студия. В эфире спектакль театра имени Янки Купала.

Кинолаборатория. Режиссер студии Виктор Григорьевич Карпилов и Муза Заслонова — дочь известного героя-партизана, студентка института кинематографии.

Лунная соната

Леонид ПОЛОВ

О память, память!
Эти строфы, вытки!..
...Идут на штурм советские полки.
Эресы бьют. Работают зенитки.
На бреющем проходят «ястребки».
Возмездие вершит одна шестая
И бог войны
— на тысячи стволов.
И мы стоим,
от устали шатаясь,
У наших хирургических столов.

Не в клинике известной на Арбате.
Теперь нам раем кажется Арбат!
Здесь хирургия наша — в медсанбате,
В развалинах развернут медсанбат.
В ногах — железо,
черепицы груды,
В проломах стен — немецкая печаль.
И кажется
великолепным чудом
Здесь
чудом сохранившийся рояль.
Сыграть на нем бы как-то на досуге.
Но снова бой
и снова недосуг.
И боевые трудятся подруги,
И снова, снова раненых несут.
Ни роздыха, ни воздуха лесного,
Лишь кровь и кровь в расщелины полов.
И мы стоим
какие сутки снова
У наших хирургических столов!
Той кровью злую силу сокрушила
Последняя военная весна,
И нас в ночи
внезапно оглушила
Воистину земная тишина.
Та тишина, что не убить набатом.
Она плыла к созвездьям в вышину.
И раненые
слушали
солдаты
Нахлынувшую
эту тишину.
Она казалась близкой, сокровенной...
И вот по просьбе боевых подруг
Садится тихо за рояль трофейный
Ведущий медсанбатовский хирург.
И как бы в день
нелегким этим годам,
До спазма в горле радостен и горд,
Он пальцами,
пропитанными йодом,
На пробу взял возвышенный аккорд.
И стал играть он раненым солдатам,
Для них,
для них —
для раненых солдат!
Не что-нибудь,
а Лунную сонату —
Одну из потрясающих сонат.
Еще вчера моей военной лирой
Владел лишь Марс, ведя в огонь,
и вот —
Над страшными руинами,
над миром
Соната величавая плывет.
И ту сонату
слушают солдаты.

Стихи написаны о событиях, свидетелем и участником которых был автор — войсковой врач.

Так бывает перед началом передачи. Оператору Славе Ефимову важно установить свет, а мне, диктору, подумать не только о том, что я буду говорить, но и как буду выглядеть. Ведь смотрят миллионы глаз!..

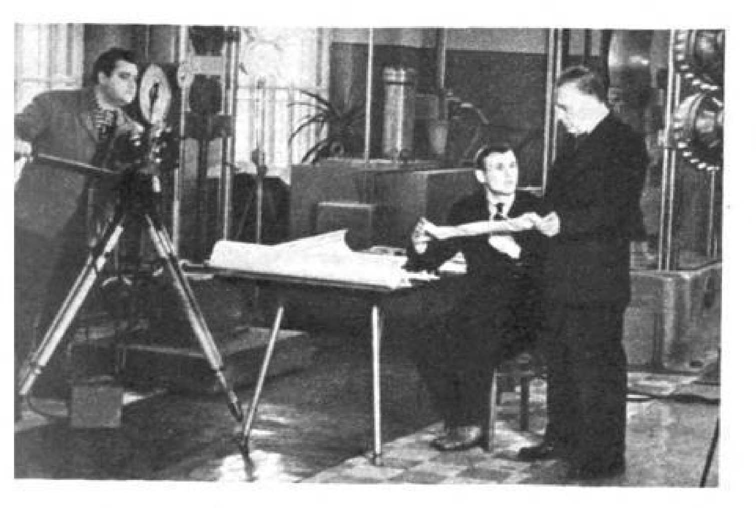
←

→

Спортивные передачи — самые популярные. За столом — их редакторы, кстати, в прошлом отличные спортсмены. Фаня Трахтенберг была одной из сильнейших мотоциклисток республики. Евгений Новиков — экс-чемпион Европы и СССР по штанге. Выступает мастер спорта по художественной гимнастике Людмила Лобова.

У СТОРОНУ ЭКРАНА

…ельскохозяйственные машины лауреата Ленинской премии …кадемика Михаила Ефремовича Мацепуро известны широко. …кадре — академик Мацепуро и главный инженер Александр Пилецкий.

Писатель Иван Павлович Мележ читает страницы своего романа «Люди на болоте».

Это юные следопыты. Им посчастливилось отыскать награжденного орденом Красного Знамени майора Якова Григорьевича Рыбака. Его считали погибшим. Теперь, двадцать лет спустя, ему вручена награда.

Пусть в синем небе ласточки снуют...

Анатолий ЗАЯЦ

Как родину при шелесте берез,
Как Ленин слушал
Аппассионату —
Самозабвенно,
искренне,
до слез.
А врач играл,
спокойный и красивый...
...Ценя игру хирурга своего,
Солдаты с окровавленных носилок
Смотрели, как на бога, на него.
Застыли звезды над погибшим городом.
Живою жизнью ночь напряжена...
Звучит финал...
Последние аккорды...
И снова
в медсанбате тишина.
Седой солдат,
держась за подоконник,
Сказал при всех, не пряча влажных глаз:
— Спасибо вам,
товарищ подполковник,
Затихли раны... Полегчало враз...
Поется в песне:
«Где ж однополчане?..»
Ушли в запас военные врачи.
Иных уж нет.
Но лунное звучанье
По-прежнему в ушах моих звучит.

Последний танк
Взойдет на пьедестал,
Придут домой последние солдаты,—
Лишь календарь,
Огнем взрывая даты,
В лицо ударит грохотом,
Как встарь...
И все еще
Та женщина не спит.
Глядит на фотографию с любовью,
И все текут ночами
Слезы вдовьи.
Что ж,
Вдов воображенье не щадит.
Им слышен крик,
Короткий гром гранат...
Нет,
Не пора ракетчикам на отдых:
Они
Дела живых
И славу мертвых
Вдоль рубежей
возвышенно хранят.
Пусть в небе синем
Ласточки снуют
И пчелы реют над расцветшей вербой,
Пусть жены спят,
Исполненные верой,
Что их мужей
на фронте не убьют!

Борис ПОЛЕВОЙ

Здравствуй, Дания!

Нет, я нарушу давнюю традицию и не начну этот очерк о Дании с повторения здешней легенды о богатыре Холгере Данске, будто бы сидящем в подземелье под древним замком, по залам которого, по воле Вильяма Шекспира, бродил когда-то принц Гамлет, мучимый своими сомнениями. Бог с ним, с этим милым и удобным персонажем, которым уже не первое десятилетие иностранные журналисты оснащают свои произведения, рассказывая о Дании.

Я бывал в этой стране не раз. Видел ее в конце весны, в самую красивую пору, когда удивительно зеленые здешние парки пестрели волнами разноцветной сирени; видел летом, когда тучный урожай вызревал на полях и рыжие самодовольные коровы лениво паслись в загонах, строго очерченных электрическими проводами; видел осенью, когда над холмами летела, посверкивая, паутина и по полям, аккуратно постриженным, как голова малыша, отправляющегося первый раз в школу, с видом задумчивых философов ходили грачи. Теперь мы приехали сюда в самое неуютное время, ибо здешние зимы похожи на хмурую и слякотную нашу осень.

И, несмотря на это, именно теперь небольшая и интересная страна как-то особенно хорошо раскрывалась перед нами и позволила нам, иностранцам, ощущать биение пульса своей трудовой жизни. Произошло же это потому, что мы не были обременены представительскими обязанностями или связаны разграфленной по минутам туристской программой. Мы как бы обрели калоши счастья из сказки Ханса Христиана Андерсена, три пары таких волшебных калош, и, надев их, получили возможность оказаться там, где хотелось быть, видеть то, что интересовало, встречаться с людьми, к которым влекло. Впрочем, калоши счастья, как, вероятно, помнит читатель, героям сказки радости не доставили: они не умели ими пользоваться, и поэтому калоши заносили их не туда, они попадали в сложные переделки, из которых не знали, как и выбраться. С нами же все время были два добрых волшебника, и потому чудесные калоши вели себя смирно, корректно, покорно несли нас туда, куда нам хотелось, и именно в эту поездку в хмуром, слякотном январе Дания раскрылась перед нами как-то особенно по-хорошему.

Но кто это «мы» и зачем нас занесло в эту страну в неудобный для туристов сезон? Мы — это трое советских писателей: критик, переводчик, один из лучших знатоков датской литературы в нашей стране, Валентина Морозова; писатель-сибиряк, повести и романы которого за последние годы крепко полюбил советский читатель, Сергей Залыгин и автор этих строк. Прилетели мы в Данию по плану культурного обмена и были встречены в аэропорту нашим добрым знакомым, видным здешним романистом, новеллистом, эссеистом, секретарем союза датских писателей Хансом Лунгбью Эпсеном и его семьей. Вот он-то и надел на нас волшебные андерсеновские калоши и научил ими пользоваться. Сделал он это с неназойливой простотой, столь свойственной датчанам. За рюмкой хорошего хереса он спросил: «Что бы вы хотели посмотреть?» Зная, что перед нами писатель, знающий свою страну, мы ответили: «Все, чем вы гордитесь, что вам хотелось бы нам показать».

Так в программе поездки возникли почти недоступные для туристов знаменитейшие в Европе заводы и верфи «Бурмейстер ог Вайн», и рыбачий городок, и новая выставочная галерея Луизиана, Высшая народная школа, являющаяся уже с начала столетия гордостью страны, и лучший драматический театр в городе Орхусе, и кооперативный центр страны, и типичный маленький городок на окраине острова, куда никогда не заезжают иностранцы, и вечер со студентами-славистами в Копенгагенском университете, и средняя датская ферма в глубине страны, и встречи с разными людьми — от рыбака до министра.

— Вы будете с Данией на «ты»,— обещал нам Ханс Эпсен. Он сам не раз путешествовал по Советскому Союзу, хорошо его знает, пишет сейчас о нем книгу, которую мечтает издать к визиту Н. С. Хрущева, и вот теперь он хотел отплатить нам, советским коллегам, за наше, как он выразился, «великолепное гостеприимство».

Калошами счастья, переносившими нас туда, куда нам хотелось, стали две машины — семейная машина Эпсенов, которую отлично, с шиком вела жена писателя Ингер, и маленькая красненькая блошка, за рулем которой сидел наш давний друг, искусствовед, переводчик, критик Эрик Хорскьер, изъяснявшийся по-русски, право же, не хуже нас. Вот они-то и помогли нам смотреть не Данию старинных дворцов, замков, соборов и позеленевших от времени памятников, какой она до сих пор вставала перед нами, а умную, трудолюбивую, неутомимую, спокойную страну, давшую немало мировой науке, технике, литературе, искусству, но при том не зазнавшуюся, оставшуюся скромной и гордящуюся не только своей интересной историей, но главным образом своими мозолистыми, не знающими устали руками.

Это особенно впечатляюще открылось перед нами в трех местах: на старых копенгагенских верфях, где мы вдруг почувствовали себя муравьями среди гигантских остовов строящихся судов, под краном, легко переносившим из цеха готовую секцию корабля, этакий кубик из детского конструктора величиною с семиэтажный дом; на утренней заре в рыбацкой гавани города Эсбьерга, в которую на наших глазах, как большая стая гусей, вплывала вереница рыбачьих сейнеров с обледенелыми снастями, возвращавшихся с лова; и в маленьком домике фермера на северном окончании острова, у коренастого неторопливого человека, хозяйствующего вдвоем с женой и хозяйствующего так, что фермер соответствующего достатка из Аризоны или Техаса мог бы снять перед ним шляпу.

Завод, ферма, рыбачьи суда. Разные, очень разные вещи. Но и высокого белокурого инженера в синем комбинезоне, показывавшего нам, как на стендах испытываются гигантские дизели — могучие сердца кораблей, и коренастого рыбака с исхлестанным ветрами багровым шелушащимся лицом, до костей пропитанного запахом рыбы и водорослей, и щупленького на вид фермера с большими руками, ладони которых жестки, как подошвы,— всех их, таких внешне разных, делали похожими общие черты: скромность, собранность, органическая любовь к своему делу и трудолюбие. Прежде всего трудолюбие.

Когда-то в Дрездене довелось мне рассказывать Мартину Андерсену-Нексе свои впечатления о Дании, которую я тогда посетил в первый раз. Он несколько лет жил уже вдали от родины и слушал, как мне казалось, с большим вниманием. Моя поездка была представительская. Я говорил о музеях, об уникальных постройках, художественных коллекциях картинных галерей, о королевском приеме, на котором мне довелось присутствовать. И когда я стал повествовать о знаменитом здешнем ресторане, где официанты в средневековых одеждах предложили нам свиток меню, в котором значилось что-то около двухсот пятидесяти сортов различных бутербродов, которыми славится эта страна, гигант пролетарской литературы нетерпеливо перебил меня:

— Разве это, сынок, Дания? Матушка Дания — это не дворцовые залы и не опереточный ресторан, созданный на потеху туристов. Дания — это баба в широкополом чепце с большими красными руками.

Теперь, много лет спустя, я понял глубину и справедливость этих слов. Мы ездили по стране с острова на остров. Неширокие, но очень удобные дороги вились между холмами. Появлялись и отплывали назад маленькие фермы. Всюду виднелись поля, ухоженные, как клумбы в хорошем саду. Чистенькие городки, где старые дома выглядели весьма моложаво, а новые не лезли в глаза и не кичились нарочитой вычурностью своей архитектуры. Образ Дании, нарисованный Нексе, как бы обретал плоть и кровь. И действительно, нужно было неиссякаемое трудолюбие многих поколений скромных тружеников, чтобы здесь, на скупой и не очень удобной для хлебопашества земле, здесь, где солнце не щедро, лето короткое, где почти нет ископаемых, а промышленное сырье приходится покупать за границей, создать страну с прекрасным земледелием, вывести, распространить великолепную породу скота, организовать не только лучшую в мире сыроваренную промышленность, но и передовую индустрию, строящую великолепные корабли, отличные дизельные двигатели, каких не делают и в стране, где родился сам Рудольф Дизель.

Так вот ты какова, матушка Дания! И чем больше мы с ней знакомились, тем больше нравилась нам она, эта скромная, трудовая женщина. И еще больше нравилась нам она потому, что здешние люди с давней симпатией относятся к нашей стране, к нашей истории, к нашим культуре, искусству, науке, к борьбе за мир, которую ведет наш народ и которая встречает понимание у большинства людей, с какими нам довелось тут разговаривать. Датчане разных профессий, разного достатка, разных убеждений в разговорах с нами частенько подчеркивали, что взаимная приязнь наших народов коренится в глубине эпох.

Один из вечеров мы провели в доме популярного здешнего писателя, автора многих исторических повестей, возглавляющего сейчас литераторский союз Пелле Лауринга. Книги его, посвященные прошлому датского народа, необыкновенно популярны и выходят очень большими, на здешний счет, тиражами. Лауринг живет на окраине, в домике, который с улицы может показаться маленьким и старым. Не нарушая его фасада, писатель теперь, когда к нему пришел большой достаток, пристроил со стороны двора новый, современный и удобный дом с огромным кабинетом, стены которого сплошь заставлены книжными стеллажами и витринами с интересными древностями, собранными в археологических экспедициях. Мы сидим у камина, едим сливочный торт, собственноручно приготовленный хозяйкой для советских гостей, запиваем его анисовой настойкой, носящей здесь красивое название «Аква вита», то есть «Вода жизни», и хозяин — большой, сухощавый, белокурый человек — делится с нами заветной творческой мечтой:

— ...Связи наших народов самые давние. Мечтаю приехать к вам и проехать по древнему пути из варяг в греки. Варяги — ведь это же и мы, датчане. Интересная может быть книга, увлекательная и полезная для сегодняшних дней.— Он повторяет: — И полезная!..

Ходим по залам Национального музея. Музей закрыт, но нас в порядке исключения пустили. Ходим под мудрым руководством нашего друга Эрика Хорскьера, знающего в этих бесконечных залах каждый шедевр и умеющего рассказать его историю. Как и я, он влюблен в деревянную скульптуру. Как и я, он придерживается еретической мысли, что именно дерево является великолепнейшим пластическим материалом, в котором с особой силой и выразительностью может быть запечатлено человеческое тело, лицо, руки. Здесь богатейшие коллекции средневековых деревянных скульптур, возле которых мы подолгу млеем, охваченные восторгом, к неудовольствию Валентины Морозовой и Сергея Залыгина, не разделяющих нашей симпатии к дереву.

Но вот мы зашли в комнату, именуемую кунсткамера. Эрик подводит нас к старинному портрету. Явно парсуна старого российского письма. Великолепнейшая парсуна. Оказывается, это прижизненный портрет Ивана Грозного, выполненный с такой силой, что кажется, как в известной повести Гоголя, будто этот немолодой, хмурый, худощавый человек, подозрительно косящийся на вас умным, но недобрым взглядом, вот-вот вздрогнет, отделится от темной доски, обопрется о раму и заговорит с вами.

— Этот портрет русский царь Федор Алексеевич преподнес датскому послу в награду за установление добрых отношений между нашими странами,— говорят нам.

По пути в маленький городок и на ферму останавливаемся в древней столице Дании — городе Роскилле. Огромный его собор издревле служит усыпальницей датских королей. Не знаю уж почему, но тут тоже издревле установился обычай, что коронованные особы, приезжающие сюда, измеряют свой рост возле гранитной колонны, как ребятишки около дверного косяка. На колонну эту на соответствующем месте наносится зарубка, фиксирующая рост их королевских величеств. Узнав, что мы русские, служитель, водивший нас по собору, как-то очень бегло, чуть ли не рысцой, провел нас мимо сиятельных саркофагов и августейших надгробий прямо к этой колонне.

— Ваш царь Петр был большим другом нашей страны,— сказал он нам.— Он тоже посещал наш город.— И нам показывают зарубку, которая намного выше всех остальных. «Царь Петр из России,— гласит надпись.— Рост 208,4 сантиметра...»

С тем же удовольствием руководитель музея на верфях «Бурмейстер ог Вайн» показывает нам модели кораблей, которые это предприятие строило для дореволюционной России и Советского Союза. Нам говорят:

— Мы построили для Советской России первый корабль в 1930 году.

А на верфях, в огромном сухом доке, который из-за отдаленности его от основных цехов тут называют милым для сердца Сергея Залыгина наименованием «Сибирь», нам показывают два строящихся корабля.

— Мы надеемся, что когда к нам приедет ваш премьер-министр Никита Хрущев, он посетит наши верфи, и мечтаем, чтобы он, как почетнейший гость, окрестил эти корабли.

По старому датскому обычаю, честь окрестить корабли, то есть дать им имя, предоставляется лишь самым высоким особам. Рабочие на верфях спешат: им хочется поскорее завершить работу. Пусть эти корабли окрестит и благословит в далекий путь по морям глава Советского правительства...

Знакомимся с новой картинной галереей, очень хорошей, остроумно построенной галереей, именуемой Луизиана. Человек, построивший и подаривший ее датчанам, глава крупнейшей компании по экспорту датских сыров, мультимиллионер Кнуд В. Йенсен, сам показывающий нам свою галерею и экспонированную сейчас в ней выставку металлических скульптур, с первых же слов уточняет:

— К расистскому штату Америки название никакого отношения не имеет. Просто у владельца этого великолепного поместья и парка было три жены. По странному стечению обстоятельств все три жены были Луизы и все три умерли одна за другой. И помещик в память о них и назвал свою виллу. Когда мы купили этот красивейший уголок, решив именно здесь построить картинную галерею, мы ничего не хотели здесь нарушать.

Действительно, помещичий дом оставлен как большой вестибюль и аванзал, а галерея пристроена к дому сзади в виде одноэтажного здания из дерева и стекла, зигзагами извивающегося и повторяющего холмистый рельеф, обходящего скалы и пощадившего даже старые красивые деревья. Любопытнейшая, единственная в своем роде галерея очень удобна для экспонирования не только полотен и картонов, но больших и малых скульптур. Задний конец ее выходит на лесистый мыс, под которым плещется море. Вся стена стеклянная, и море, прекрасное даже сейчас, в хмурый, ветреный день, деревья, скала как бы входят в этот большой зал, в углу которого в огромном камине пылают поленья. Сейчас тут кафе, где посетители могут скромно позавтракать, съесть один из бесчисленных датских бутербродов, распить бутылочку пива.

Но внутренние стены могут быть раздвинуты, образуется большой, удобный зал с прекрасной акустикой. Тут гастролирующие хоры и танцевальные группы, приезжающие из стран, экспонаты искусства которых демонстрируются в галерее, как бы дополняют то, что посетитель может видеть на стендах выставки.

Великолепная затея. Недаром Луизиана за короткий срок стала одним из любимейших мест отдыха копенгагенцев. Господин Йенсен усаживает нас у камина, сам помогает принести бутерброды. Толкует об искусстве, в котором этот король экспортеров сыра обнаруживает немалые и глубокие познания. Рассказывает, что в юности он мечтал стать исследователем искусства, готовил себя к этой карьере, но умер отец, на руки свалилась гигантская фирма. Волей-неволей искусство отошло на второй план, стало, как говорят англичане, «хобби». Ну что ж, он отдает ему свободное время и делает, что может.

Этот невысокий, голубоглазый блондин в скромном вельветовом костюме, деликатный и даже застенчивый, мнится мне чем-то вроде нашего Павла Третьякова, купца, посвятившего свою жизнь и свои доходы служению родному искусству. Со свойственной ему тихой, застенчивой улыбкой хозяин высказывает свою мечту: ему хотелось бы, чтобы к визиту советского премьера Луизиана приняла в своих залах выставку русского и советского искусства от древних икон до сегодняшних дней. Или, если это трудно, выставку советской графики, которая, как он слышал, пользовалась большим успехом в Соединенных Штатах. И было бы еще лучше, если бы в дни государственного визита в залах Луизианы мог выступить один из чудесных советских танцевальных или хоровых ансамблей. Здесь много наслышаны о великолепном и многообразном искусстве народов Советского Союза. О, все это имело бы огромный успех!..

В том, что эти слова не комплимент, мы уже имели возможность убедиться и даже немножко от этого пострадали. В один из вечеров супруги Эпсены завезли нас к себе, в свой новый и очень удобный домик, одна из стен которого стеклянная и как бы не существует, так что зеленый луг и перелесок будто бы прямо входят в комнаты. Когда хозяева уезжают, а в дни нашего гостевания они покидали свое жилище на несколько суток, печь с терморегулятором автоматически поддерживала заданную температуру, а две собаки и старый, жирный, очень солидный кот, отлично сосуществующий с ними, домовничали и следили за порядком. Так вот вечером, как только за столом разгорелась беседа, по телевидению копенгагенская телестудия стала ретранслировать на всю страну балет «Бахчисарайский фонтан» из Москвы. Преотличный этот балет загипнотизировал наших хозяев, разговоры сразу угасли, и всех нас, даже собак с котом, будто бы магнитом подтащило к го-

В Дании с большим успехом идет «Снегурочка» А. Н. Островского. Для постановки этого спектакля театр в городе Орхусе пригласил советского режиссера С. А. Майорова. Танцы в «Снегурочке» поставлены известной датской балериной Эльзой-Марианной фон Розен.

На снимке: С. А. Майоров и Эльза-Марианна фон Розен во время репетиции русской пляски к спектаклю «Снегурочка».

любому экрану. Действие прерывалось лишь время от времени увлеченными восклицаниями хозяев да недовольным ворчанием кота, не привыкшего к такому невниманию.

Комментировал спектакль, и, надо сказать, комментировал отлично, умно, один из интереснейших театральных деятелей страны, директор и режиссер Орхусского театра Алланд Фридериция. Нам сказали, что он проявляет живейший интерес к нашим театральным школам и что постановка «Снегурочки» А. Н. Островского в Орхусском театре была одним из интереснейших событий года, к которому пресса еще возвращалась и в дни нашего пребывания. «Снегурочку» нам повидать не удалось. Когда мы были в Орхусе, там шел лихой французский водевиль — пустенький и очень забавный. Но и на этом тощем драматургическом материале местные актеры сделали яркий спектакль, по которому можно было судить о хороших актерских силах и отличной режиссуре. Но когда вечером после этого спектакля мы собрались за дружеским столом у Алланда Фридериция и его супруги, одной из лучших балерин страны, баронессы Эльзы-Марианны фон Розен, о французской этой безделке разговора не было. Говорили о той же «Снегурочке», о русской драматургии, о Гоголе, Чехове, Горьком, о советском балете.

— Моя заветная мечта — поехать в Москву,— говорила Эльза-Марианна.— Хочется посмотреть московских мастеров балета, о которых я знаю пока что лишь по книгам, и вынести им на суд мой ансамбль.

В очень обширной библиотеке этой семьи мы увидели все советские и изданные за границей книги о нашем балете, о нашем театре, о системе Станиславского.

Спектакль с балетными номерами в постановке Эльзы-Марианны фон Розен, который нам повидать не удалось и о котором мы знаем лишь по кинематографическому варианту «Снегурочки»,— по-видимому, действительно одно из выдающихся явлений не только в Дании, но и в Швеции, Норвегии, и, думается мне, действительно интересно было бы показать его нашим ценителям танцевального искусства.

Один из самых интересных здесь вечеров, незаметно для нас перешедших в ночь, мы провели среди преподавателей и студентов факультета славистики Копенгагенского университета. Это один из старейших университетов Европы. Русским языком здесь прежде особенно не интересовались. Но вот полетел спутник, русский парень Юрий Гагарин первым шагнул в космос. И теперь декан факультета профессор Карл Стиф предлагает нам выступить перед преподавателями и студентами без переводчиков, на родном языке. Уже по дороге в университет мы узнаем, что русский язык здесь не только изучают академически, но существуют и деятельно работают две организации — «Славянская беседа» и клуб «Спутник». Здесь преподаватели и студенты, в политическом отношении очень разные, совершенствуют свои знания в русском языке.

Все это—явление новое. Удивительно тут, в столице Дании, читать лекции студентам, будто в Москве, на Ленинских горах. Понимают ли они, что я им говорю? Может быть, только изображают внимание на лицах? Это ведь тоже случается среди воспитанных людей. Нет, конечно, понимают. Понимают даже стихи, пословицы и дружно, по-молодому реагируют на шутку. Знают не только язык, знают и нашу литературу, и, как мы убеждаемся, неплохо знают, даже любят. Об этом мы можем судить по тому дружному и, может быть, излишне шумному отпору, который аудитория дает одному из преподавателей, неуважительно отозвавшемуся о наших советских книгах.

Да еще как знают-то! Оказывается, среди студентов немало читателей журнала «Юность». Когда кончается официальное заседание и профессор Стиф приглашает нас в кабинет на рюмку хереса, ко мне подступают парень и девушка.

— Что стало с вашим автором Белкиным? Он все еще строит свой сибирский город или только пишет? — Это спрашивает белокурый юноша с румянцем во всю щеку, в широком пестром свитере. Кто такой Белкин, хоть убей, не могу вспомнить. Фамилия будто бы знакома, но почему знакома, не знаю. Видя мой конфуз, советская девушка, аспирантка из Ленинграда, работающая сейчас в здешнем университете, приходит мне на помощь:

— Вас спрашивают о Владилене Белкине из Дивногорска. В середине прошлого года вы напечатали его стихи и сообщили, что он каменщик. Будто бы строит школу и пишет стихи. Это очень всех заинтересовало.

Оказывается, у этого вопроса есть и второй план. В западной пропаганде очень популярен тезис: люди с дарованием писателя, поэта, артиста, спортсмена будто бы ставятся у нас в особенно благоприятные условия, так сказать, в этакий инкубатор таланта. Вот и интересно узнать, попал ли дивногорский каменщик в этот инкубатор. Ответ воспринимается хорошо и искренне. Все смеются...

Много было встреч, бесед, споров. Много было вопросов, на которые надо было давать ответы. И такой вот любознательной, пытливой, желающей узнать правду предстала перед нами матушка Дания. Такой стоит она передо мной и сейчас, когда я пишу воспоминания о последнем путешествии. Женщина в широкополом чепце, с большими, красными, натруженными руками? Умная женщина — работяга и мать? Конечно же, да. Мартин Андерсен-Нексе, великий сердцезнатец, оказался, разумеется, прав. Мы убедились, что Дания — страна, где живет необыкновенно трудолюбивый народ, у которого сердце открыто для познания мира, который с интересом следит за соседями, исповедующими другую веру и по-другому мечтающими о своем будущем и о своем счастье.

Ну что ж, матушка Дания, мы, советские люди, с удовольствием жмем твою трудовую, мозолистую руку!

Копенгаген.

ПОБЕДИТ ВЕСНА!

Эти рисунки прислал в «Огонек» замечательный датский художник Херлуф БИДСТРУП.

человек
в очках

А. СТАРКОВ

Александр Богданов.

Весь день гудел затылок, ломило в висках.

Это для него обычное явление, голова часто болит: дважды досталось ей в жизни.

Первый раз, когда он еще учился то ли во втором, то ли в третьем классе. Играли во дворе в городки. «Письмо» распечатывал Вовка из двенадцатой квартиры. Остальные сидели на бревне возле забора. Саньку, самого маленького, зажали в серединке с обоих боков. Не видно ему ничего из-за спин соседей. Вытянул шею, высунулся. Глядит, как Вовка прицелился, как взмахнул битой и, крякнув, метнул ее. Да не по «письму», а прямо по лбу Саньке, неосторожно выставившему голову. Упал с бревна, лежит тихо, даже не стонет. Ребята кричат дворничихе, которая подметала под воротами:

— Теть Ма-аш! Теть Ма-аш! Вашего Саньку убило!

С месяц, наверно, провалялся в больнице и столько же не ходил в школу: сотрясение мозга.

Второй раз — в казарме, на строевых занятиях. Показывал молодым солдатам приемы рукопашного боя. Неловкий, неуклюжий, неповоротливый попался новичок. То махнет карабином, как оглоблей, то стукнет им об пол, то вовсе уронит.

— Вот так надо... Вот так... Да вот так же! — сердится сержант.

А у солдата все не так, не так и не так.

— Вперед! Смелее! — кричит сержант и, не успев увернуться, получает удар прикладом в висок. Падает.

Солдат был неловок, но силен. Медведь. Снова сотрясение мозга, потеря слуха, зрения. Месяц в госпитале: слух вернулся, медленнее возвращалось зрение, так и не набрав прежней зоркости. Надел очки.

Командиру орудия не так сложно в очках, как лекальщику. Когда управляешь огнем из дальнобойной, цели не видишь, ее видят за тебя приборы. А у лекальщика все перед глазами, вся его сила, как ловца микронов, — в зрении. Почему я говорю о лекальщике? Так это ж профессия Сани Богданова до армии и после армии. После — несмотря на запреты врачей. Ну, они ему многое запретили в связи с двойным сотрясением мозга.

Никаких, говорят, резких движений. В футбол, значит, ни-ни. А у него второй разряд, он лучший нападающий заводской команды, и, когда разыгрывается первенство района, прикажете ему в болельщиках сидеть? Бегать — боже упаси! А у него и тут второй разряд на коротких дистанциях, нельзя же не постоять за честь цеха. Лыжи? Разрешают, только не спеша, по ровной местности. А на пути горушка — объезжать? Взлетел вверх, слетел вниз, позади горка! Единственное, от чего пришлось отказаться, — от штанги. Выжал как-то большой вес, закачался, волны пошли перед глазами, черный занавес все закрыл... Штангу отставил, а гантелями — по-прежнему каждое утро.

Никаких, говорят, лишних нагрузок голове, никакого напряжения. А что считать лишним? Партийную нагрузку? Трижды выбирали в бюро, два раза секретарем — отказывайся?.. А вечерняя школа — тоже лишнее? Сиди, выходит, с семилеткой. Нет, он окончил восьмой, окончил девятый. Вместе с Валей. Они в школе и познакомились. Валя работала в аптеке, потом по его совету перешла к ним в цех. У них тоже хватает химии, а Валя — фармацевт, химик все-таки. Она теперь от Сани через стенку. Детали из его рук к ней поступают. У него работа высшей точности, под микроскоп, у нее — наичистейшей чистоты, в вакууме, абсолютная стерильность. На Вале два халата — обычный белый и поверх еще нейлоновый, чтобы уж ни пылинки не зацепилось.

В этом году у них перерыв в занятиях — до следующей осени. Валя взяла его из-за родившейся летом Аленки. Саня — из чувства солидарности с женой, а если говорить серьезно, чтобы помогать ей по вечерам. Живут за городом, в Бирюлеве, в домике без воды, без канализации, с печным, конечно, отоплением. Простое дело — дочку выкупать — целая проблема; без мужских рук трудно обойтись: наколоть дров, натаскать воды.

...Трещит, разламывается голова. Она у него часто болит, но так, с такой силой еще не бывало. Глотал пилюли — тройчатку, пятерчатку — все зря, гудит, чертовка! Боль, она всегда не ко времени, а сегодня просто зарез. Он собрался впервые притереть в кассете не двадцать пять деталей, а сорок. В один прием, враз, не теряя при этом точности. А точность тут в микронах, тысячных долях миллиметра. Эти детальки-крохотульки нельзя класть на ладонь: они от ее тепла толстеют. Притирают их по пять, по десять штук, а они с Борисом Караваишниковым — давно по двадцать пять. Сегодня хотел обойти Борьку, все сорок положить в кассету. Но не с такой гудящей головой! Не дает низко наклониться над столом, пелена перед глазами, очки как бы запотевают. Придется отложить эксперимент, с прежней бы нормой справиться.

Подошла Валя.

— Болит?

— Побаливает немножко.

— Вижу, как немножко. Еле сидишь, бледный. Пойди отпросись у Людмилы Александровны.

— Еще что...

— Ну так я пойду.

— Попробуй только...

— Очень я тебя боюсь!.. Вот пойду и скажу, чтобы отпустила домой.

— Не пойдешь и не скажешь!

После работы, когда они шли к проходной, Валя сказала, зная, что он собирается к маме:

— Может, сразу домой?

— Обещал я, будет ждать. Не приду — волнение...

— Ты поезжай, а я зайду к ней, предупрежу.

— Я уже неделю у нее не был. А сегодня тем более праздник. Мой и Толькин.

— Ой, Сань, я и забыла, что День артиллерии. Поздравляю тебя... Только ты недолго, ладно? И не очень-то там с братишкой...

— Валечка, все будет нормально. По рюмочке разрешаешь? Наверняка голова пройдет... Явлюсь, как штык, в шесть ноль-ноль. Ты Аленку не купай без меня.

— Будет тебя ждать Аленка...

— Я точно говорю. В шесть — дома! Дрова наколоты, воды принесу. Не купай без меня, слышишь?

Мама живет все там же, на Воронцовской, все в той же дворницкой, где они подрастали пятеро: две сестры, три брата. Четверо родились в Гжатске — земляки Гагарина! — и батька с матерью привезли их в Москву года за два до войны. Отец устроился плотником в жакт, мать — дворником. Саня смутно помнит отца, который ушел на войну в первый ее день и с войны не вернулся, погибнув под тем же Гжатском. Смутно помнится и день бомбежки, когда в главный флигель во дворе угодила фугаска и мать, упрятав малышей в убежище, бегала по двору, тушила пожар, а вечером ее увезли в родилку, и она вернулась через неделю с Толиком... Вот уже и Толику двадцать третий, отслужил, как и Саня, в артиллерии. Он теперь единственный остался с матерью, все разъехались, нарожали ей внуков. Да и Толик глядит в лес...

Братишки дома не застал.

— Прибежал, убежал, — сказала мама. — Срочная, говорит, тренировка в хоккей. Знаю я эти срочные. Явится вроде тебя с Вовкой: «Мамочка, извини и поздравь, я женился...»

Так что День артиллерии не пришлось отметить. То есть отметили — с мамой, чаем с вареньем. Она поставила, правда, на стол и бутылочку, но без Толика, в одиночку, он не хотел, благо, то ли от чая, то ли от тихого маминого голоса, рассказывавшего последние новости по двору, голова начала отходить, успокаиваться. Договорились, что они приедут с Валей, с Аленкой в воскресенье, подойдет пехота в Володькином лице, придут, наверно, и сестры с мужьями, один из которых служил, кстати, в зенитной, и День артиллерии не будет, в общем, забыт.

А пока домой.

Обычно он садится в электричку на Москве-товарной. Туда с завода близко. А от мамы ближе до Павелецкого. Посмотрел в книжечку расписаний: в пять двадцать — барыбинская. Одна из «пиковых», служащими набитая, идет со всеми остановками. Но к шести, как обещал, будешь дома. Поцеловал маму, пальто натянул уже во дворе, крикнул: «Жди в воскресенье!» — и ходом — десять минут оставалось — на вокзал. Поспел в самый раз, даже до головного вагона добежал. Мест не было. Но он вытащил из пиджака плоскую жестяную коробочку, тряхнул ею, внутри призывно звякнули «косточки», и место сразу нашлось.

Грешен Саня, обожает домино. Валя вечно корит, подсчитывает, сколько бы он книг прочел, пока едет в электричке и «бессмысленно стучит». «Я не стучу, — оправдывается он. — Я тихонечко кладу кости. А потом ты же знаешь, врачи запретили мне читать в поезде, в трамвае, вообще во время движения...» «Соблюдал бы ты так все остальные запреты докторов...» — говорит Валя. Спорить с ней трудно, но и изменить «козлу» он не может: лихой «забойщик», чемпион. Вот и сейчас, пока проехали полпути, высадили уже с партнером одну пару «всухую» и вторая на издыхании.

А поезд набирает и набирает

пассажиров. Их подбрасывают пачками Москва-товарная, Речной вокзал, Нижние Котлы, Коломенское. «Разбор» начнется за Чертановом. Людей набилось столько, что дверь из тамбура в вагон не закрыть. Стоят вплотную в проходе, стоят между скамейками, у окон. Ворчат на «козлятников»: мешает их чемодан, на котором лежат кости.

— Кончили! — поднимается Саня.— Все равно нет достойных нам соперников. Приветствую вас, товарищи горе-забойщики, научитесь играть!— салютует он под козырек проигравшим и, смахнув домино в коробочку, начинает продираться сквозь толпу к тамбуру. Сейчас будет Бирюлево-товарное, а затем просто Бирюлево, его остановка.

Из тамбура доносилась перебранка. Два мужских голоса сталкивались, переплетались, взлетали на самые высокие ноты. Один стихал, но второй шел на взвизг, и тогда стихавший снова набирал силу. Смысл ссоры невозможно было уловить, он потонул в ругани, в оскорблениях. Протолкнувшись в тамбур, Саня увидел тех, кто ссорился. Мужчина в темно-синем пальто, Саниного примерно возраста, и другой в коричневом, постарше. Агрессивнее был молодой, он лез в драку, и только теснота в тамбуре мешала ему развернуться.

— Чего они не поделили?— спросил Саня у соседа.

— Вон тот, инвалид, вошел в Коломенском. Хотел протиснуться к стенке. «Мне,— говорит,— трудно стоять без опоры, нога болит». А этот не пустил. «Если, — говорит,— больной, нечего ездить в электричках, дома сиди...» Ну, слово за слово, схватились.

— Ты помалкивай, паря, а то схлопочешь,— сказал объяснявшему человек в темно-синем пальто. У него было припухлое щербатое лицо. Не закончив одной ссоры, он уже затевал другую.

Поезд подошел к платформе. Потоком выходивших Саню вынесло к наружным дверям. Стоя на пороге, он видел, как расходились, растекались люди, и платформа мигом опустела. Только инвалид, с которым ссорился щербатый, остановился у самого ее края, чуть впереди кабины машиниста. Он, видно, собирался, когда пройдет поезд, сойти вниз и перебраться на ту сторону. И тут Саня увидел, что щербатый тоже еще на платформе. Он шел по ней наискосок, но, заметив инвалида, резко повернул к нему. Крикнул, обругал, тот огрызнулся, и щербатый выхватил что-то из-под пальто. В свете фар блеснуло длинное тонкое лезвие. Ударил «с подсидом», снизу вверх. Инвалид, глухо охнув, упал на рельсы.

Щербатый, ударив, кинулся прочь и пробежал мимо Сани, все еще стоявшего на пороге вагона. Секунда, две оцепенения от увиденного, и Саня рванулся вслед. Платформа была пуста, но вдруг из какого-то вагона вышла запоздалая пассажирка с бидоном. Оглядывалась, куда идти. Саня задел ее на бегу, толкнул, она уронила пустой бидончик Сане под ноги, он поддал его носком, женщина заорала: «Ты что, ошалел?» Саня ей: «Извините, бабушка!»,—а она: «Какая я тебе бабушка?» — но, честное слово, ему некогда было разбираться в возрастах, он только еще раз крикнул, не оборачиваясь: «Извините!»

Перед ним мелькали ботинки на светлых подошвах-микропорках, и в голове нелепо мельтешило: «Одиннадцатирублевые... Одиннадцатирублевые», — как будто главным сейчас было определить стоимость ботинок щербатого. Тот бежал довольно прытко, но у него явно не было второго разряда по бегу, как у Сани, и расстояние между ними сокращалось. Поезд стоял еще у платформы, двери были раскрыты. Щербатый обернулся, увидел, что его достают, и влетел в тамбур, успев проскочить между начавшими уже сходиться половинками двери. Саня за ним. Не успел. Руки просунул, руки там, в тамбуре, а сам на платформе. Двери в электричках не такие, как в метро. Те легко раздвинуть. Эти тяжелые, массивные. Зажало. Саня забыл, что ему запрещены резкие движения, все забыл, рванул локтями створки. Они нехотя разошлись, пропустили Саню и тут же за ним сомкнулись.

В тамбуре, кроме щербатого, было двое мужчин крестьянского типа, в полушубках. Они стояли в глубине, у окна. На двух больших, по самую завязку набитых мешках сидела женщина, тоже в полушубке... Щербатый, прислонившись к внутренней двери, встретил Саню ударом. Хотел в голову, но Саня уклонился, и удар пришелся в плечо. (На пальто и сейчас рыжее пятнышко: кулак бандита был в крови...) Саня отлетел к стенке, очки съехали на нос, поправлять их не было времени, он только, дернув плечами, откинул пальто на спину, чтобы сподручнее было бить. И, опережая второй удар противника, сделав обманное движение правой рукой, левой, которая у него сильнее, припечатал этому типу в подбородок. Хорошо приложил, точненько. Тот мотнул головой вниз, в сторону. У боксеров такое называется иностранным словом «грогги», а по-русски — глаза на лоб, все вверх тормашками. «Грогги» как у кого, у некоторых быстро проходит. Зная это, Саня схватил щербатого за грудки, начал встряхивать. Раз головой о железную дверную оковку, два головой об нее же... Женщина вскочила с мешков, прижалась рядом с мужичками к окну. Те так и не двинулись, не вмешались. (Объяснили после, что не знали, за кого заступаться, кто виноват...) Саня, почувствовав, что щербатый обмяк, согнул его пополам и опрокинул на мешки. Женщина крикнула:

— Эй, ты, осторожней!..

Саня не знал, что машинист электрички видел, как он бросился за бандитом, видел, как тот вбежал в вагон. Он, машинист, потому и закрыл двери и передал сразу по радио: «Милиционера, дружинников прошу в четвертый вагон, там укрылся преступник...»

Ничего этого не знал Саня, и, когда в тамбур подоспела помощь, он уже вязал руки щербатому. Вязал его же ремнем, снятым с брюк. Щербатого подняли, брюки свалились. Так его, в трусах, и привели в милицию, в линейное отделение. Очухавшись немного от Саниных ударов, попросил папироску. Дали. Поглядел на Саню, сказал:

— Откуда ты такой, очкастый?

Принесли с платформы нож, которым он убил инвалида. Это был, собственно, не нож. Саня, как слесарь, сразу понял, что это такое. Обыкновенный драчевый напильник со снятой нарезкой, заточенный под шило. Орудие слесаря, ставшее страшным оружием бандита.

...Саня опоздал к великому семейному священнодействию — купанию Аленки. Она уже спала в своей кроватке, когда он явился, готовый таскать воду. Валя, взглянув на него с подозрением, спросила:

— Отметил День артиллерии?

— Отметил, Валечка, и знаешь как?

Рассказал.

А на заводе ничего не рассказывал и Валю просил не говорить. Месяца через три директор получил письмо из милиции. Сообщалось о «героическом поступке тов. Богданова А. И., который задержал особо опасного, вооруженного преступника...». Потом пришел фотокорреспондент из газеты. Но ему что-то не понравилось в Сане. Сажал, пересаживал, раздражался. Сказал сердито:

— А ну-ка снимите очки!

Саня снял покорно. И фотограф повеселел. Он сказал:

— Очки вас снижают. А теперь появилось что-то героическое...

Приметы Мадагаскара

Передо мной лежат скромные сувениры, привезенные с далекого острова Мадагаскар. Я смотрю на две марки. Одна из них выпущена в 1908 году и изображает группу мальгашских крестьян, которые несут на своих плечах французского помещика. На второй марке, только что появившейся на Мадагаскаре,— первый тепловоз, построенный в Тананариве. На первой марке — недавнее прошлое, на другой — дорога в будущее...

Делегацию советской молодежи пригласила на Мадагаскар Федерация студенческих ассоциаций (ФАЕМ), самая крупная студенческая организация Мальгашской Республики. Конец марта и начало апреля — пора каникул. ФАЕМ ежегодно организует в это время свои семинары. И уже на второй день после прилета мы были в городе Анцирабе, где начался семинар: «Роль студентов в борьбе против невежества, нищеты и болезней».

Еще в 1876 году на Мадагаскаре (на 6 лет раньше, чем во Франции) было провозглашено всеобщее бесплатное обязательное обучение. В стране накануне завоевания французами было достаточно школ. А сейчас 49 процентов детей школьного возраста не учатся. Не хватает школьных зданий, нет учителей. Миллионы людей не умеют читать и писать — таков один из итогов 65-летнего господства французских колонизаторов.

На семинаре шел очень серьезный и деловой разговор. О ликвидации неграмотности, о необходимости борьбы за подъем мальгашской нации, имеющей богатейшую историю и благородные, свободолюбивые традиции. Характерно, что после семинара, так сказать, теоретического был семинар практический: с киркой и лопатой в руках. ФАЕМ приняла решение — построить силами студентов здание школьного интерната.

Никогда не забыть той сердечной встречи, которую устроили нам студенты, их рукопожатия, улыбки. И вопросы, вопросы, вопросы... Об образовании в СССР, о путях нашей культурной революции, об отдыхе студентов...

В один из дней нас пригласили на сельский праздник. Там мы познакомились с чудесным народным искусством мальгашей, с их задушевными и очень мелодичными песнями, с грациозными и ритмичными танцами. В празднике участвовали два театрализованных ансамбля, представляющих самодеятельность нескольких деревень. Они приветствовали нас старинной величальной песней.

И здесь, на празднике, звучали песни о борьбе за прогресс, о стремлении к свету, к знаниям. Вот краткое содержание одной из песен, обращенной к образованным людям: «Вы, которые стали грамотными, вы, которые овладели науками, не забывайте и о нас, до сих пор пребывающих в темноте, помогите и нам стать такими же, как вы». В других песнях говорилось о традициях отцов, боровшихся за свободу, о долге молодых следовать этим традициям.

Большое впечатление произвела на нас столица Мадагаскара. Тананариве — довольно большой город с 200-тысячным населением, причудливо раскинувшийся на холмах.

В городе много памятников, которые могли бы украсить любую столицу. Бродя по тананаривским холмам, мы с интересом знакомились с достопримечательностями. Долго стояли возле Обелиска Независимости. А вот один из поставленных в прежние времена памятников мы еле-еле успели посмотреть. В центральной части города, а точнее господствуя над ней, до недавней поры стоял памятник генералу Гальени, кровавому палачу мальгашского народа, «герою» захватнической войны Франции против Мадагаскара, того, на чьей совести многие тысячи зверски убитых мальгашских патриотов. Памятник изображал генерала на коне, а перед ним простертых ниц мальгашей.

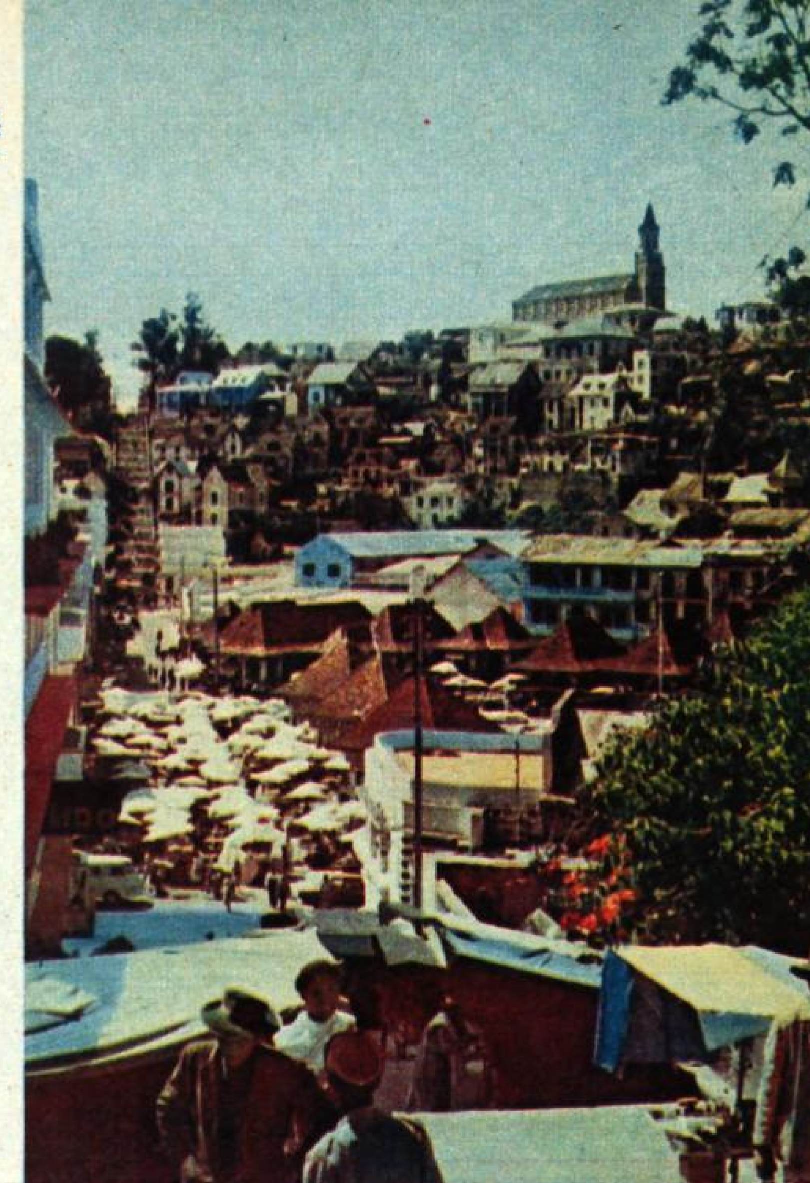
И вот 5 апреля памятник Гальени покинул насиженное место: его убрали на окраину, в военный городок. Все тананаривские газеты дали фоторепортажи, посвященные этому событию...

Приметы сегодняшнего Мадагаскара — это приметы времени, когда рушатся последние твердыни колониализма, когда на путь свободы встают новые и новые страны.

Р. КУРБАТОВА

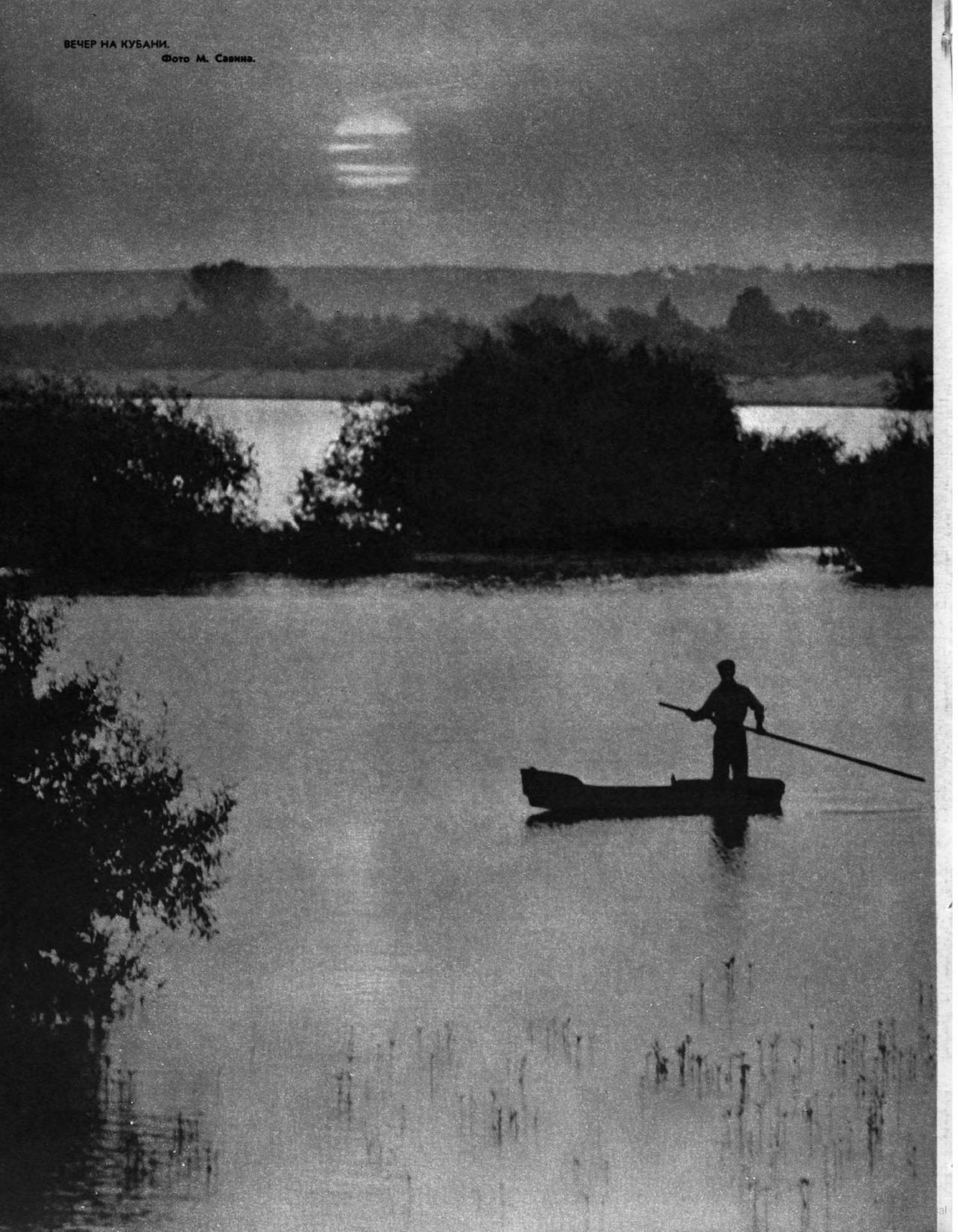
←
Обелиск Независимости в столице Мальгашской Республики — Тананариве.

Вид на город.

Фото Л. ВОЛЬНОВА.

Уличный базар.

ВЕЧЕР НА КУБАНИ.
Фото М. Савина.

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ НОСИШЬ С СОБОЙ

СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Я страшно обрадовался, когда в этот вечер в гостинице он наконец успокоился. Я приготовил ему лимонад с виски — запить две таблетки аспирина, и он беспрекословно проглотил аспирин и потом с удивительным спокойствием стал потягивать виски. Глаза у него были теперь открыты и устремлены куда-то в пространство. Я стал читать раздел происшествий в газете, и мне было очень хорошо, даже, пожалуй, слишком хорошо.

— Вы холодный человек, не правда ли? — спросил Скотт, и, взглянув на него, я понял, что хотя я и не ошибся в диагнозе, но лекарство прописал ему не то и что виски работало против нас обоих.

— Что вы имеете в виду, Скотт?

— Вы можете спокойно сидеть и читать эту паршивую французскую газетенку, и вам совершенно наплевать, что я умираю.

— Вы хотите, чтобы я вызвал врача?

— Нет. Не нужен мне ваш грязный провинциальный французский доктор.

— Что же вы хотите?

— Я хочу измерить температуру. Потом я хочу, чтобы высушили мою одежду. А затем я хочу, чтобы мы отправились экспрессом в Париж и чтобы меня доставили в американский госпиталь в Нейи.

— Наши вещи не высохнут до утра, да и экспресс здесь не ходит,— сказал я.— Почему бы вам не отдохнуть и не пообедать в постели?

— Я хочу измерить температуру.

Это продолжалось долго, до тех пор, пока официант не принес термометр.

— Неужели вы не смогли достать другого? — спросил я.

Когда официант вошел, Скотт лежал, закрыв глаза, и по меньшей мере был похож на умирающую Камиллу, которой уже ничего не может помочь. Я никогда не видел, чтобы у человека так быстро отливала кровь от лица, и не мог понять, куда она девается.

— Вот единственный термометр в гостинице,— сказал официант и протянул мне его. Это был градусник для ванны в деревянном корпусе с металлическим грузилом. Я наскоро отпил виски и на мгновение открыл окно, чтобы глотнуть свежего воздуха. Когда я обернулся, Скотт уже внимательно следил за мной.

Я профессионально стряхнул термометр и сказал:

— Ваше счастье, что это не анальный термометр.

— А этот куда ставят?

— Под мышку,— сказал я и засунул его себе под руку.

— Не надо, а то он будет неправильно показывать,— сказал Скотт.

Я снова одним резким движением стряхнул ртуть и, расстегнув Скотту пижаму, поставил ему термометр под мышку, одновременно пощупав его холодный лоб и снова проверив пульс. Он глядел прямо перед собой. Пульс был семьдесят два. Я заставил его держать термометр четыре минуты.

— Я думал, его держат всего одну минуту,— сказал Скотт.

— Это большой термометр,— пояснил я.— Нужно помножить на квадрат площади термометра. Это термометр, который показывает по Цельсию.

Наконец я взял у него термометр и поднес к лампе, стоявшей на столе.

— Сколько там?

— Тридцать семь и шесть десятых.

— А какая нормальная?

— Это и есть нормальная.

— Вы точно знаете?

— Точно.

— Проверьте на себе. Я должен знать точно.

Я снова стряхнул термометр, расстегнул пижаму, и поставил термометр себе под мышку, и заметил время. Потом я вынул его.

— Сколько?

Я внимательно поглядел на термометр.

— Точно такая же.

— А как вы себя чувствуете?

— Великолепно,— сказал я.

Я пытался вспомнить, нормальная ли температура тридцать семь и шесть. Но это не имело ни малейшего значения, потому что термометр намертво застрял на тридцати.

Скотт смотрел с некоторым подозрением, и я спросил его, не хочет ли он еще раз проверить температуру.

— Не нужно,— сказал он.— Мы можем только радоваться, что все так быстро прошло. Я всегда обладал исключительной способностью сразу же выздоравливать.

— Вы молодчина,— сказал я.— Но мне кажется, вам все-таки лучше полежать в постели, съесть легкий ужин, а рано утром мы двинемся в путь.

Я подумал было, что надо купить нам обоим дождевики, но для этого мне пришлось бы занимать деньги у Скотта, а мне не хотелось препираться с ним сейчас по этому поводу.

Скотт не захотел лежать в постели. Он пожелал встать, одеться, спуститься вниз, и позвонить Зельде, и сказать ей, что он хорошо себя чувствует.

— А отчего бы ей думать, что вы чувствуете себя плохо?

— Это первая ночь со времени нашей женитьбы, когда я сплю отдельно от нее, и мне нужно с ней поговорить. Понимаете ли вы, что это значит для нас обоих?

Да, я понимал. Но я не мог понять одного: как же получилось, что он спал вместе с Зельдой прошлой ночью? Однако спорить было бы бесполезно. Скотт залпом проглотил виски и попросил меня заказать еще.

Прошло некоторое время, пока он дозвонился к жене и поднялся наверх, а вскоре появился официант с двумя стаканами двойного виски. Я не помнил, чтобы Скотт столько пил, но виски не подействовало на него, он разве что немного оживился, и стал более разговорчивым, и начал рассказывать мне о том, как складывалась его жизнь с Зельдой. Он рассказал, как впервые встретился с ней во время войны и как потерял и снова обрел ее, и об их женитьбе, и о чем-то ужасном, что произошло с ними в Сан-Рафаэле примерно год назад. Первый вариант его рассказа о том, как Зельда и французский морской летчик влюбились друг в друга, выглядел как поистине печальная история, и, я думаю, это была правда. Потом он стал излагать другие варианты того же самого, словно прикидывая, не подойдут ли они для романа, но ни один из них не был таким грустным, как первый, и я в конце концов поверил в первый вариант, хотя любой из них мог быть правдой. С каждым разом они звучали все лучше, но ни один из них не задевал так, как первый.

Скотт очень четко излагал мысли и был хорошим рассказчиком. В устном рассказе ему не приходилось следить за орфографией или расставлять знаки препинания, и поэтому не было впечатления безграмотной галиматьи, которое оставляли его невыправленные письма. Он научился правильно писать мою фамилию только после двух лет нашего знакомства; это невероятно длинная фамилия, если ее писать; возможно, с каждым разом ему это давалось все труднее, и я отдаю ему должное за то, что в конце концов он научился писать ее правильно. Он учился правильно писать и вещи поважнее и старался разумно мыслить об очень многом.

Но в этот вечер ему очень хотелось, чтобы я узнал, и понял, и оценил то, что произошло тогда в Сан-Рафаэле, и я представил себе все так ясно, что увидел одноместный гидроплан, низко летавший над колышущимся на волнах купальным плотиком, и цвет моря, и форму поплавков гидросамолета, и тень, которую они отбрасывали, и загар Зельды, и загар Скотта, и их головы, темно-русую и светло-русую, и покрытое густым загаром лицо парня, влюбленного в Зельду. Я не решался задать вопрос, который не выходил у меня из головы: как Скотт, если рассказ его был правдой и все это действительно произошло, мог каждую ночь спать в одной кровати с Зельдой? Но, может быть, именно поэтому эта история и была самой печальной из всех, которые мне приходилось когда-либо слышать; а впрочем, может быть, он просто забыл все это так же, как забыл о прошлой ночи?

На следующий день мы поехали на машине в Париж. День был чудесный, мы проезжали через Кот д'Ор, и воздух был так чист, словно его только что выкупали, а холмы, поля, виноградники сверкали, как новенькие, и Скотт был очень весел, и счастлив, и здоров, и он пересказывал мне сюжеты чуть ли не каждой книги Майкла Арлена. Майкл Арлен, сказал он, был человеком достойным внимания, и оба мы можем многому научиться у него. Я сказал, что не могу читать таких книг. Он сказал, что мне и не нужно их читать. Он перескажет мне фабулы и опишет действующих лиц. Это была своеобразная устная диссертация на степень доктора философии [1] по творчеству Майкла Арлена.

Когда мы распрощались с ним у его дома и я в такси вернулся на свою лесопилку, было просто чудесно снова увидеться с женой, и мы пошли в «Клозери де Лила» немножко выпить. Мы были счастливы, как дети, которые были долго врозь, а теперь опять вместе, и я рассказал ей о поездке.

— Неужели тебе не было весело и ты ничего интересного не узнал, Тэти? — спросила она.

— Я мог многое узнать о Майкле Арлене,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—19.

[1] Научная степень, соответствующая нашему кандидату искусствоведения.

если бы слушал; зато я узнал вещи, в которых еще не разобрался.

— Неужели Скотт совсем несчастен?

— Наверное.

— Бедняга.

— Одно мне ясно.

— Что?

— Никогда не путешествуй с тем, кто тебе не по душе.

— Неплохая мысль!

— Да. А мы едем в Испанию.

— Да. До отъезда меньше шести недель. И уж в этом году мы никому не позволим нам все испортить, правда?

— Ни за что! И из Памплоны мы поедем в Мадрид, а потом в Валенсию.

— М-м-м-м,— промурлыкала она, как котенок.

— Бедняга Скотт,— сказал я.

— Все бедные,— сказала Хэдли.— Вертопрахи без гроша в кармане.

— Нам еще страшно везет.

— Нам надо быть паиньками. Во что бы то ни стало.

Мы постучали пальцами по дереву[2] столика, и официант подошел и спросил, чего мы желаем. Но то, чего мы желали, ни официант, ни кто другой, ни стук по дереву, ни по мрамору, которым были покрыты столики в кафе, дать нам не могли. Но в тот вечер мы не желали знать об этом и были счастливы.

Через день или два после нашей поездки Скотт принес свою книгу. На ней была яркая суперобложка, и я помню, мне стало как-то неловко, что она была такая броская, в дурном вкусе и какая-то скользкая на вид. Она была похожа на суперобложку плохого сборника научно-фантастических рассказов. Скотт просил меня не обращать на это внимания,— просто в книге фигурировал рекламный щит на шоссе в Лонг-Айленде, и это было важной деталью сюжета. Он сказал, что ему самому раньше суперобложка нравилась, а теперь нет. Перед тем как читать, я снял ее.

Когда я кончил книгу, я понял, что, как бы Скотт ни вел себя и что бы он ни делал, я должен относиться к нему как к больному и должен ему помочь, и постараться быть ему другом. У него было много, очень много хороших друзей, больше, чем у кого-либо другого. И я решил быть среди них, независимо от того, пригожусь я ему или нет. Уж если он мог написать такую великолепную книгу, как «Великий Гэтсби», я был уверен, что он может написать еще лучшую. Но я еще не знал тогда Зельды, и поэтому не представлял, как тяжело было Скотту. Вскоре нам пришлось узнать все.

ЯСТРЕБЫ ДОБЫЧЕЙ НЕ ДЕЛЯТСЯ

Скотт Фицджеральд пригласил нас пообедать с ним, его женой Зельдой и маленькой дочкой в меблированной квартире, которую они снимали на улице Тильзитт, 14. Я не запомнил эту квартиру, разве только то, что она была мрачная и душная и в ней, казалось, не было ничего, что бы принадлежало им, не считая первых книг Скотта в светло-голубых кожаных переплетах с тиснеными золотыми названиями. Скотт показал нам еще нечто вроде бухгалтерской книги, куда он регулярно, из года в год, заносил названия своих опубликованных рассказов и суммы полученных за них гонораров, а также проценты от проката его фильмов и поступления от продажи его книг. Все это было записано так аккуратно, словно это был судовой журнал, и Скотт показывал его нам обоим с этакой безличной гордостью хранителя музея. Скотт нервничал, старался быть гостеприимным и показывал записи своих заработков так, будто это было главное, на что стоит смотреть. Но смотреть было не на что.

Зельде было не по себе с похмелья. Накануне вечером они были на Монмартре и поссорились из-за того, что Скотт не хотел напиваться. Он сказал, что решил хорошенько поработать и не пить, а Зельда обращалась с ним так, будто он был брюзгой и нарочно портил ей удовольствие. Она именно так и сказала, и, конечно, последовали взаимные обвинения, и Зельда, как всегда, начала отрицать: «Я не говорила этого. Я ничего подобного не говорила. Это неправда, Скотт». Потом она, казалось, что-то вспоминала и принималась весело смеяться.

У Зельды были ястребиные глаза и тонкие губы, а выговор и манеры типичной южанки. Я наблюдал за выражением ее лица, и создавалось впечатление, что мысленно она все еще на вчерашней вечеринке; потом, опомнившись, она смотрела сначала пустым, как у кошки, взглядом, потом он становился довольным, удовольствие мелькало на тонких губах и снова исчезало. Скотт был хорошим, веселым хозяином, и Зельда смотрела на него, и, когда он пил вино, счастливая улыбка светилась в ее глазах и трогала уголки рта. Потом я научился очень хорошо понимать эту улыбку. Зельда знала, что Скотт не сможет писать.

Зельда ревновала Скотта к его работе, и с течением времени эта ревность проявлялась все сильнее. Скотт твердо решил не ходить на ночные попойки, а ежедневно делать моцион и работать регулярно. Стоило ему только увлечься работой, как Зельда начинала жаловаться, что ей скучно, и тащила его на очередную пьянку. Они ссорились, потом мирились, и он с трудом трезвел во время долгих прогулок со мной и давал зарок работать, и действительно поначалу это ему удавалось. А потом все повторялось снова.

Скотт сильно любил Зельду и очень ее ревновал. Во время наших прогулок он все рассказывал мне, как она влюбилась в морского летчика-француза. Но с тех пор она ни разу не давала ему повода ревновать ее к другому мужчине. Этой весной она заставляла его ревновать к женщинам, и на вечеринках на Монмартре он боялся, что она напьется до бесчувствия, и боялся, что напьется до бесчувствия сам. Глубокое опьянение служило им как бы защитным рефлексом. Они засыпали от такого количества крепких напитков или шампанского, которое не подействовало бы на человека, привыкшего пить, и, бывало, засыпали, как дети. Я видел, как они буквально теряли сознание, словно это было не опьянение, а действие наркоза, и друзья, а иногда водитель такси укладывали их в постель, и, когда они просыпались, они чувствовали себя свежими и счастливыми, потому что пили мало и пьянели раньше, чем им становилось плохо.

Теперь они утратили этот защитный рефлекс. Сейчас Зельда могла выпить больше, чем Скотт, и Скотт боялся, что она окончательно сопьется в какой-нибудь из компаний, в которых они бывали той весной. Скотту не нравились ни люди, ни те места, куда они ходили, и ему приходилось пить больше, чем он был в состоянии, и в то же время не терять над собой контроль; надо было терпеть людей и места, где они бывали, и ему приходилось пить иногда для того, чтобы не заснуть, хотя обычно в это время он уже был бы в бесчувственном состоянии. Для работы у него теперь оставалось все меньше и меньше времени.

Он все время пытался работать. Пытался каждый день, но безуспешно. Он винил в этом Париж — город, лучше которого нет для писателей; и он всегда надеялся, что где-то есть место на земле, в котором ему с Зельдой удастся начать жизнь заново. Он думал о тогдашней Ривьере, какой она была до застройки, с ее прекрасным голубым морем и песчаными пляжами, сосновыми рощами и Эстерельскими горами, уходящими прямо в море. Ривьера помнилась ему такой, какой она была, когда они с Зельдой впервые открыли ее, еще до того, как туда нахлынули отдыхающие.

Скотт говорил со мной о Ривьере и о том, что мы с женой должны непременно приехать туда следующим летом, и как мы будем там жить, и как он сможет найти для нас недорогое жилье, и как мы с ним будем вдвоем работать каждый день, и купаться, и валяться на песке, и загорать, и выпивать всего по одному-единственному аперитиву перед обедом и перед ужином. Зельда будет счастлива там, говорил он. Она любит плавать и прекрасно ныряет, и ей нравится такая жизнь, она захочет, чтобы он работал, и у них будет строгий распорядок дня. Он, и Зельда, и их дочь проведут это лето там.

Эрнест Хемингуэй. Париж. 20-е годы.

Я пытался убедить его писать в полную силу, не приспосабливаясь ни к каким шаблонам, что, как он сам признавался, он делал.

— Вы уже написали отличный роман,— сказал я ему,— и вы не должны писать всякую дребедень.

— Но роман не покупают,— сказал он,— и мне приходится писать рассказы, такие рассказы, которые будут покупать.

— Напишите самый лучший рассказ, на какой вы только способны, и сделайте все, чтобы он был правдивым.

— Я собираюсь,— сказал он.

Но получилось так, что он был рад, если вообще ему удавалось поработать. Зельда не поощряла мужчин, которые волочились за ней, и заявляла, что не желает с ними знаться. Но все-таки это ее развлекало, и Скотт ревновал и ходил за ней по пятам. Это отвлекало его от работы, а она ревновала его к работе еще больше, чем когда-либо.

Весь конец той весны и начало лета Скотт пытался работать, но ему это удавалось только урывками. Когда я виделся с ним, он всегда был весел, и иногда это было веселостью отчаяния, он шутил и был хорошим собеседником. Когда ему бывало особенно плохо, я выслушивал его жалобы и пытался внушить ему, что стоит ему заставить себя, и он будет снова писать, потому что он создан для того, чтобы писать, и только одна смерть неотвратима. Он подтрунивал над собой, и чем больше он это делал, тем больше мне казалось, что он справится с собой. За все это время он написал лишь один хороший рассказ — «Богатый мальчик», и я знал, что он может писать лучше, как это потом и оказалось.

Летом мы с женой были в Испании, я делал первые наброски романа и окончил его в сентябре в Париже. Скотт и Зельда были в Кап д'Антиб, и осенью, когда мы встретились в Париже, он выглядел совсем другим. На Ривьере он не прекращал пить и теперь был пьян днем и ночью. Ему уже было безразлично, что кто-то пишет, и он мог прийти к нам на улицу Нотр-Дам де Шан пьяным в любое время суток. Он стал очень грубым к людям, стоящим ниже его, или к тем, кого он считал ниже себя.

Однажды он вошел в ворота лесопилки со своей маленькой дочкой — у няни-англичанки был выходной день, и Скотт возился с ребенком,— и на лестнице девочка ему сказала, что ей нужно в уборную. Скотт тут же на месте стал раздевать ее, и хозяин, живший под нами, вышел и сказал: «Месье, туалет прямо перед вами, налево от лестницы».

— Да, и я суну тебя туда головой, если ты не заткнешься,— ответил Скотт.

С ним было очень трудно всю эту осень, но

---

[2] «Постучать по дереву» — эквивалентно старинному обычаю «плюнуть через плечо», чтобы «не сглазить».

когда у него случалось просветление, он работал над романом. Я редко видел его трезвым, но трезвый он был приятен, шутил по-старому и иногда даже подшучивал над самим собой. Но когда он был пьян, он всегда приходил ко мне и, напившись еще больше, находил большое удовольствие в том, что мешал мне работать,— точь-в-точь как Зельда, когда она мешала работать ему. Это продолжалось несколько лет, но зато за все эти годы у меня не было более преданного друга, чем Скотт, когда он бывал трезв.

В ту осень 1925 года он обижался на то, что я не хочу показать ему рукопись первого варианта «И встает Солнце». Я объяснял ему, что рукопись ничего не стоит, пока я не отработаю ее и не перепишу, и что до этого мне не хочется обсуждать ее и кому-либо показывать. Мы собирались тогда в Шрунс в Форарльберге в Австрии, как только там выпадет первый снег.

Там я переделал половину рукописи и кончил эту работу, помнится, в январе. Я отвез рукопись в Нью-Йорк и показал Максу Перкинсу из издательства Скрибнера, а потом вернулся в Шрунс и закончил работу над всей книгой. Скотт не увидел книги до тех пор, пока она полностью не была переписана и перекроена и я не отправил ее Скрибнеру в конце апреля. Помню, как мы шутили с ним по этому поводу и как он волновался и горел желанием мне помочь, как всегда, когда работа уже сделана. Но мне не нужна была его помощь, когда я переделывал книгу.

Пока мы жили в Форарльберге и я кончал переделку романа, Скотт и его жена и ребенок уехали из Парижа на воды в Нижние Пиренеи. Зельда жаловалась на довольно распространенное кишечное недомогание, вызываемое неумеренным употреблением шампанского,— в те времена врачи называли это колитом. Скотт не пил, он старался работать и очень хотел, чтобы мы приехали в Жуан-ле-Пэн. Они подыщут для нас недорогую виллу, на этот раз он уж не станет пить, и все будет, как в добрые, старые времена: мы будем купаться и станем здоровыми и загорелыми и будем пить один аперитив перед обедом и один перед ужином. Зельда опять здорова, оба они чувствуют себя хорошо, и его роман продвигается блестяще. У него есть деньги за инсценировку «Великого Гэтсби», который идет с успехом, его купят для кино, и поэтому не о чем беспокоиться. Зельда в самом деле чувствует себя великолепно, и все будет в полном порядке.

Май я провел в Мадриде и работал там один, и я приехал в Жуан-ле-Пэн поездом из Байонны, третьим классом и страшно голодный, потому что по собственной глупости остался без денег и ел последний раз в Хендэй, на франко-испанской границе. Вилла оказалась прелестной, у Скотта был очень хороший дом неподалеку, и я был очень рад увидеть свою жену, которая прекрасно управлялась на вилле, и наших друзей, и единственный аперитив перед обедом был превосходен, и мы повторили его несколько раз. Вечером в честь нас был устроен прием в казино, совсем маленький прием: супруги Маклейш, супруги Мэрфи и супруги Фицджеральд и мы, жившие на нашей вилле. Никто не пил ничего крепче шампанского, и было весело, и, вероятно, здесь будет хорошо писать. Здесь было все, что нужно человеку для того, чтобы писать, кроме покоя.

Зельда была очень хороша, ее загар был приятного золотистого цвета, а волосы оттенка темного золота, и она была очень приветлива. Ее ястребиные глаза были ясны и спокойны. Я подумал, что все хорошо и что в конце концов все обойдется, но тут она наклонилась ко мне и поведала свою большую тайну: «Эрнест, вы не думаете, что Эл Джолсон стоит выше, чем Христос?»

Никто в то время не обратил на это внимания. Это был личный секрет Зельды, которым она поделилась со мной, как если бы ястреб поделился чем-то с человеком. Но ястребы добычей не делятся.

Скотт ничего хорошего больше не написал до тех пор, пока не понял, что Зельда помешалась.

Перевели с английского

Л. ПЕТРОВ, М. БРУК, Ф. МАРКОВ.

СОВЕТСКИМ АРТИСТАМ ВСЕГДА РАДЫ В США

В Москве находится известный американский импрессарио, организатор выступлений советских артистов в США Сол Юрок. Он рассказал нашему корреспонденту:

— 8 сентября спектаклем в «Метрополитен опера» начнется четырнадцатинедельное турне ленинградского балета по США и Канаде. Надеюсь, «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Раймонда», «Золушка» и другие спектакли обрадуют поклонников русского балета в нашей стране.

Подписан контракт о поездке симфонического оркестра Московской филармонии с дирижером Кириллом Кондрашиным и Давидом Ойстрахом. Первый концерт будет посвящен музыке Шостаковича. Только в Нью-Йорке состоится не менее одиннадцати выступлений этого коллектива с такими солистами, как Давид и Игорь Ойстрах, Галина Вишневская, Вэн Клайберн. В эти же дни «виолончелист № 1» Мстислав Ростропович сыграет впервые в США Симфонию Бриттена.

Новую программу привезет Эмиль Гилельс, большой артист, которого заслуженно любят во многих странах мира; к нам приедут также скрипач Леонид Коган, певицы Зара Долуханова, Ирина Архипова, пианист Яков Зак. Весной 1965 года мы снова будем встречать неповторимый ансамбль Игоря Моисеева.

Целое поколение американцев знает о МХАТе только понаслышке. Ведь он приезжал к нам более сорока лет назад! Я радуюсь, что мои соотечественники вновь смогут увидеть мхатовские спектакли. Театр покажет «Три сестры» и «Вишневый сад» Чехова, «Мертвые души» Гоголя и «Кремлевские куранты» Погодина.

В общем, за весь сезон около 400 артистов из вашей страны будут нашими гостями.

В Советский Союз приедет кливлендский симфонический оркестр под управлением Джорджа Селла и камерный оркестр «Промюзикаль». В Москве и других городах выступят знакомый вам скрипач Исаак Стерн и пианист Евгений Истомин, впервые приезжающий в СССР. Я не сомневаюсь, что они доставят слушателям удовольствие. Надеюсь на успех сопрано Мэри Коста и баса Джерома Хейнса. В сентябре в Большом зале Консерватории будет играть знаменитый Артур Рубинштейн. Услышите, как он исполняет Шопена. Я убежден, что его концерты станут событием.

Когда я слушаю и смотрю выступления ваших молодых музыкантов, танцоров, певцов, я вспоминаю свою молодость, поездки с великими русскими артистами Анной Павловой, Федором Шаляпиным, Александром Глазуновым. Мне идет восьмой десяток, но на вопрос, долго ли я собираюсь еще работать, я отвечаю шуткой о беспокойном постояльце, надоедавшем портье гостиницы вопросами по телефону, скоро ли откроется бар. В конце концов рассвирепевший дежурный пригрозил ему: «Мы вас туда не пустим!» «Меня надо оттуда выпустить,— промолвил жалобно голос в трубке,— я заперт снаружи...»

Так и со мной,— продолжал наш гость,— я навсегда заперт в своем деле, но не жалею об этом, особенно сейчас, когда складывается благоприятная обстановка для широкого культурного обмена между нашими странами. Надо думать, деятели искусства сделают очень много для сближения наших народов.

М. КАПУСТИН

Фото Е. Умнова.

Встреча во Львове

Рабочие, инженеры и служащие одного из передовых предприятий Львова — телевизорного завода — собрались после смены, чтобы поговорить о журнале «Огонек».

Коллектив завода держит регулярную связь с редакцией журнала, он даже назвал один из новых телевизоров «Огоньком».

С сообщением о работе журнала выступил член редколлегии Г. Боровик. Читатели Ведигриб, Вихарев, Хейфец, Дмитрик, Шаркус, Ерин, Дубий, Измайлов и другие высказали ценные пожелания, направленные на улучшение содержания и оформления журнала.

Многие работники завода ответили на вопросы анкеты «Огонька»: что нравится и что не нравится в журнале, что хотелось бы прочитать и увидеть еще.

В творческом клубе «На огонек» побывал артист цирка укротитель В. Запашный. Он рассказал собравшимся о своей работе с хищниками. Вместе с Запашным гостем редакции был тигр Тайфун.

Фоторепортаж о Вальтере Запашном и его труппе смотрите в конце этого номера.

ОПАСНОСТЬ МИ

Вл. КРУПИН **Фото Г. КОПОСОВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

24 апреля, 13.00 местного времени. Часть горы Сухто рухнула в реку Зеравшан, чуть ниже впадения в нее Фан-Дарьи. 79-летний чабан Шариф Шамсиев — житель кишлака Айни — находился поблизости. Услышав шум начинающегося оползня, он бросился прочь. Когда он обернулся, на дне глубокого каньона, прорытого рекой, увидел гигантскую плотину, остановившую течение Зеравшана.

25 апреля, 01.10. Создан самаркандский областной штаб по борьбе с паводком. Он собирается на первый совет. Специалисты доложили, что в 1890 году примерно в этом же месте был подобный грандиозный обвал. Правда, в те годы вниз по течению почти не было посевов хлопчатника и крупных ирригационных сооружений.

7.30. Создан воздушный мост Самарканд — Айни.

8.45. Прибывшие из столиц Узбекистана и Таджикистана специалисты совместно с руководителями двух братских республик принимают первое — после непосредственной оценки ситуации — решение. Идти навстречу воде! Не ждать, пока образовавшееся горное озеро, наполнившись до краев, начнет размывать завал. Решено немедленно прокладывать отводной канал. К месту происшествия вызываются саперные части Туркестанского военного округа, взрывники — военные и гражданские, а также землеройная техника, занятая на строительстве близлежащих оросительных систем. Канал для сброса паводковых вод будет прокладываться взрывами.

27 апреля, 8.05. Над ущельем прокатился грохот первого взрыва.

29 апреля. Во второй половине дня 10 самолетов доставили в Айни с Украины рулоны синтетической пленки. Ею будет покрыто ложе отводного канала для предупреждения слишком быстрого размыва.

15.00. Пресс-конференция для журналистов.

— Самарканд может спать спокойно,— заявил председатель совета по борьбе с паводком А. Ходжаев.

4 мая. Решающие дни на Зеравшане. Произведен самый мощный взрыв. Верхние и нижние части обводного канала соединены с руслом реки.

6 мая. Пуск канала. Мутные воды Зеравшана устремились по старому руслу. Опасность затопления миновала.

← А что, если новый обвал? Альпинисты из Ташкента В. Эльчибеков и Г. Овчаров исследуют место сброса.

К 100-летию со дня рождения Э. Л. Войнич

«АНГЛИЙСКАЯ НИГИЛИСТКА» И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Евгения ТАРАТУТА

Недавно обнаружена интересная переписка Э. Л. Войнич и ее мужа с русским революционером Л. Б. Гольденбергом.

Л. Б. Гольденберг (ок. 1846—1916) учился в Петербурге в Технологическом институте и был в числе любимых учеников Д. И. Менделеева. За участие в студенческих волнениях Гольденберга арестовали и выслали под надзор полиции в Тамбовскую губернию, а потом в Петрозаводск. Там, работая химиком, он вел социалистическую пропаганду среди рабочих и крестьян. Снова арест, снова ссылка. В 1872 году Гольденберг бежал за границу. В Лондоне он работал в типографии, где издавался народнический журнал «Вперед»; в Париже организовал объединение политических эмигрантов; в Нью-Йорке ведал американским изданием журнала «Свободная Россия», выпускавшегося на английском языке Степняком в Лондоне.

В архиве сохранилось много писем М. Войнича Л. Гольденбергу за 1890, 1891 и 1892 годы.

19 августа 1892 года М. Войнич пишет в Нью-Йорк большое письмо, а в конце добавляет:

«Теперь личное. Я женился, и делюсь этим известием с Вами как с другом. Жена моя—член комитета [Э. Л. Войнич была членом Исполнительного комитета английского «Общества друзей русской свободы», которое издавало журнал «Свободная Россия».— Е. Т.], пее [урожденная] Boole, человек, преданный делу, хорошо говорит по-русски, она секретарем при Free R. [«Free Russia»] и давно Вас любит за Вашу непоколебимость и работу в общем деле. Не раз, вероятно, ей придется писать Вам...»

В сентябре того же года Э. Л. Войнич сама пишет Гольденбергу, пишет, конечно, по-русски, своим четким, красивым почерком.

«3 Iffley Rd Hammersmith 20.9.92
Дорогой Товарищ

Муж Вам пишет деловое письмо, а я воспользуюсь оказией, чтобы Вам «спасибо» сказать за Ваше хорошее письмо. Несмотря на «коварный Альбион», русские товарищи вообще милостиво ко мне относятся и не обижаются, что «аглицкая ведьма» (как меня мужики величали в России) вздумала похитить несчастного нигилиста.

Впрочем этот нигилист, кажется, не очень дурно себя чувствует под моим начальством; он даже потолстел и мало-по-малу перестает хворать с тех пор, как я его взяла под опекой. Как Вы думаете — не должен ли Батюшка Царь меня искренне благодарить за то, что я берегу его собственный, царский дичь? Небось, со злой англичанкой женою, мясо для виселицы не пропадет даром от чахотки!

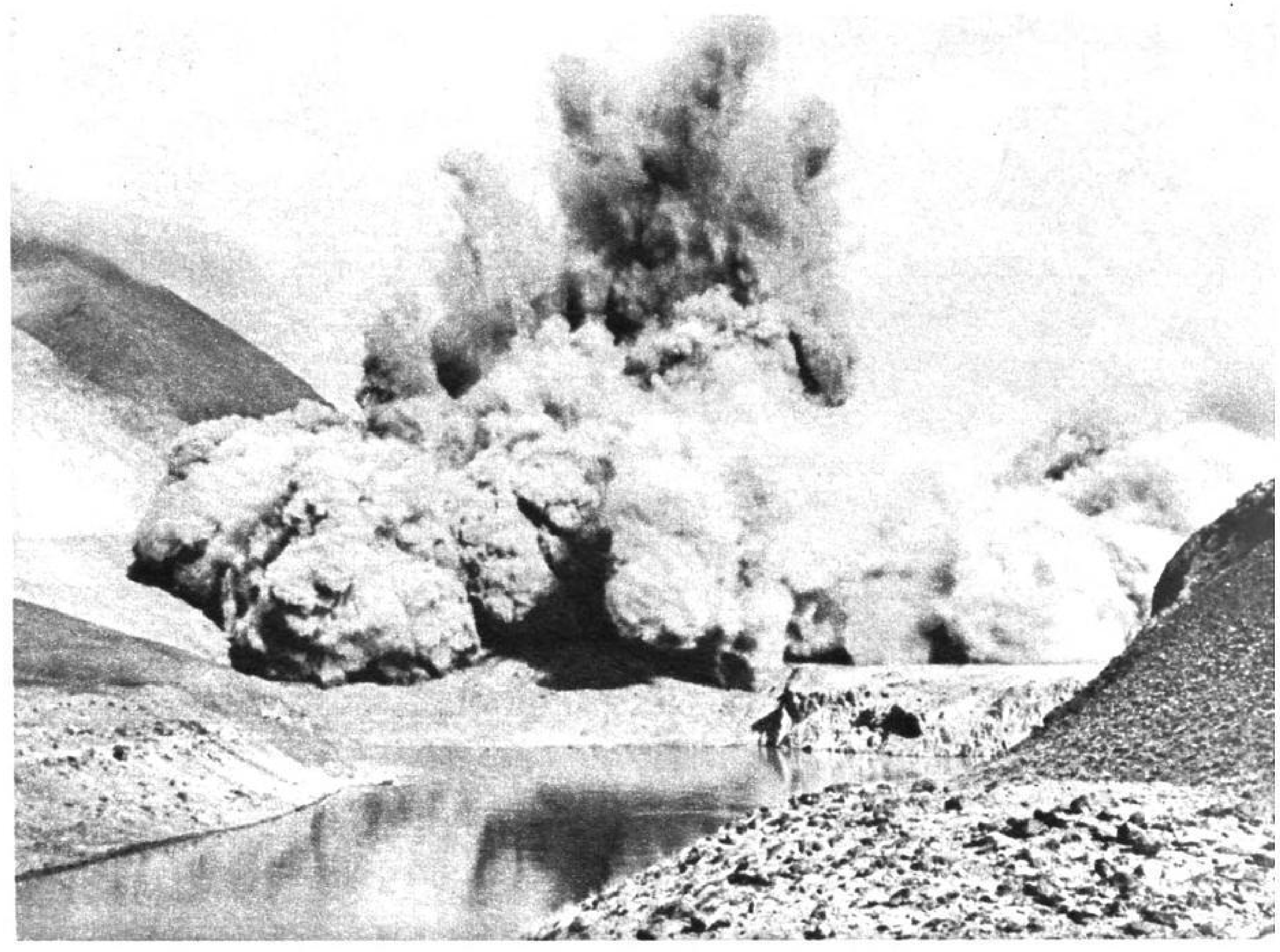
Ну, до свидания! Жму Вам руку.

Лилия Войнич».

НОВАЛА

Поднявшийся Зеравшан затопил мосты и дороги. Отрезал горные рудники и геологоразведочные партии в Пенджикентском районе. Несмотря на разлив, организовано нормальное снабжение продуктами, горючим, взрывчаткой...

Очередной взрыв прогремел над Зеравшаном. Его произвели саперы под командованием П. П. Теплова вместе со специалистами «Узбеквзрывпрома» и «Таджиквзрывпрома». Отводное русло стало глубже на 7 метров.

Бульдозеристы СМУ-9, совершив за 22 часа беспримерный стокилометровый марш по горной дороге из Пенджикента, начали расчищать завал.

Крупнейшие специалисты собрались для выработки плана поединка с Зеравшаном. На снимке: профессор-гидролог Е. Г. Попов, академик Е. К. Федоров, доктор технических наук А. И. Чеботарев.

Мы отметим в этом письме его непринужденность и бодрый тон, несмотря на мрачный юмор, а маленькие грамматические ошибки только подчеркивают, как хорошо владела русским языком молодая англичанка.

В одном письме в Лондон от 10 марта 1893 года к общему товарищу Гольденберг пишет:

«Я давно уже не получал писем от Войничей. Надеюсь, они не рассердились на меня за жесткую критику или, вернее сказать, ворчание за перевод последнего рассказа Щедрина. Неужели они не могут найти что-нибудь из современной жизни, что должны писать для американцев и англичан картины из мертвого крепостного права? Это все прекрасно для внутренней русской подцензурной литературы, но в какую английскую глотку думают они втиснуть подобные самоубийственные — хотя очень художественные — рассказы. Free Russia нуждается не в признаках смерти, а в жизненных симптомах и силах русского народа...»

Благодаря этому письму мы узнали о новой работе Э. Л. Войнич, до сих пор нам неизвестной. Несомненно, Л. Гольденберг пишет о переводе рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Миша и Ваня», помещенном в №№ 1 и 2 «Свободной России» за 1893 год без имени переводчика. Надо сказать, что Щедрин был одним из любимых писателей Э. Л. Войнич.

Летом 1893 года супруги Войнич провели несколько месяцев в Швейцарии, где М. Войнич пытался найти еще одну русскую типографию, так как деятельность Фонда Вольной Русской Прессы расширялась и, кроме брошюр, Фонд собирался издать «Подпольную Россию», переведенную самим Степняком на русский язык.

29 ноября 1893 года М. Войнич, заканчивая письмо к Гольденбергу, добавил: «Крепко обнимаю Вас... и слышу в эту минуту, как «английская нигилистка» намеревается строчить Вам...»

Вот что она написала:

«15 Augustus Rd Hammersmith, W, 30. 11. 93

Дорогой Гольденберг

Прилагаю к письму мужа несколько слов. Уж давно мы с Вами словечком не обменялись.

Видите, тут виновато мое плохое здоровье и мой еще более плохой характер. Так уж разленилась я после болезни долгой, что, хотя уже здорова как пони, но ничего не делаю и никому не пишу. Ну, конечно, это не надолго.

Попались мне в руки некоторые Ваши письма, написанные 20 лет тому назад. Читаю с большим любопытством.

Все мы тут проживаем благополучно, и Фонд расширяется мало-по-малу.— Кстати, скажите, пожалуйста, что это за господа приехали в С. Франциско? — Както все это очень на уголовщину смахивает, не правда ли?

Ваша

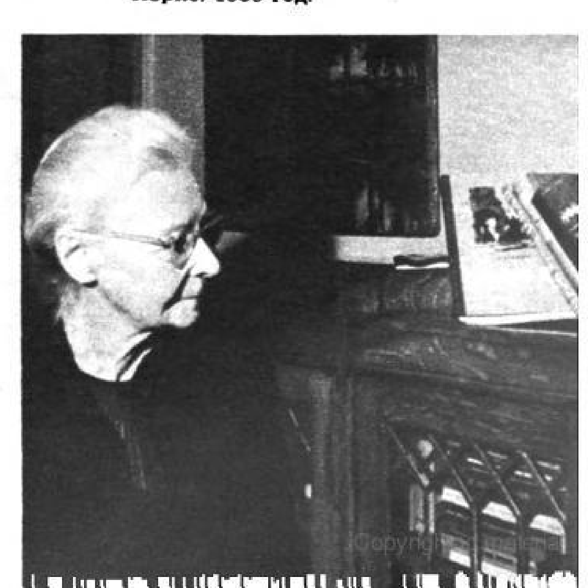
Лилия».

О каких «господах из Сан-Франциско» пишет Э. Л. Войнич, мы не знаем.

Вскоре переписка оборвалась, так как Л. Гольденберг переехал в Лондон.

Сохранившиеся письма позволяют прочитать еще одну страницу повести о дружбе «английской нигилистки» с русскими революционерами, страницу, относящуюся как раз к тому времени, когда Э. Л. Войнич писала свой роман «Овод».

Этель Лилиан Войнич в Нью-Йорке. 1956 год.

ХОККЕЙ ФИНИШИРОВАЛ

Призеры XVIII чемпионата страны. В центре — Н. Сологубов (ЦСКА), слева — В. Юрзинов («ДИНАМО»), справа — Б. Майоров («Спартак»).

Вот и слились два спортивных русла — зимнее и летнее. В те минуты, когда на льду Дворца спорта шайба завершала свой долгий и славный путь, на зеленом поле того же стадиона в Лужниках дебютировал новенький мяч. На льду и на траве действовали спартаковцы, правда, против разных соперников, но могучий призыв: «Шайбу! Шайбу!» — перекатывался и над хоккейным и над футбольным полями — за последнее время этот призывный клич получил самое широкое распространение.

Итак, позади 180 матчей XVIII Всесоюзного чемпионата по хоккею — полгода ожесточенной борьбы, которая прерывалась лишь на то время, когда надо было соединить соперников в одну команду и сменить отечественный лед на шведский, чехословацкий, американский и, наконец, австрийский.

Триумфальный, славный путь прошла в нынешнем сезоне сборная команда СССР. Казалось бы, что после Инсбрука высшая точка сезона позади, но олимпийцы, вернувшись на родину, тут же разошлись по своим клубным командам и снова вышли на лед. Сколько же увлекательных матчей промелькнуло перед нами за два последних месяца! Даже когда армейские хоккеисты еще до конца чемпионата обеспечили себе золотые медали, напряжение борьбы не снизилось. До последней встречи не было ясным, кто же займет вторую ступеньку пьедестала почета, а кто третью. Два претендента на серебряную и бронзовую медали — московское «Динамо» и «Спартак» — между собой этого вопроса решить не смогли, и так уж получилось, что распределением второго и третьего мест должны были заняться армейцы: их победа над спартаковцами в последнем матче чемпионата только и могла принести серебряные медали динамовцам.

И надо сказать, что армейцы остались на своей чемпионской высоте. Питомцы Анатолия Тарасова — тренера не только команды ЦСКА, но и сборной команды СССР — не подвели старшего тренера сборной команды и тренера команды «Динамо» Аркадия Чернышева. Победа армейских хоккеистов над отлично игравшими спартаковцами всех поставила на свои места: капитана динамовцев Владимира Юрзинова — на вторую ступеньку пьедестала почета, а капитана спартаковцев Бориса Майорова — на третью.

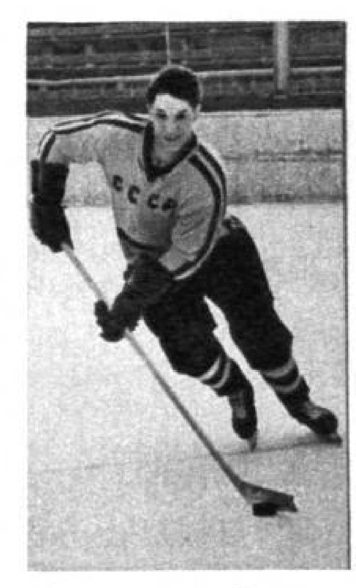
Определились и шесть лучших игроков всесоюзного первенства страны (вы видите их на снимках), но чудес здесь не произошло. Все лауреаты хоккейного чемпионата СССР являются обладателями золотых олимпийских медалей.

Итак, хоккей финишировал, будем же надеяться, что его ближайший «родственник» — футбол — закончит свой олимпийский сезон так же успешно.

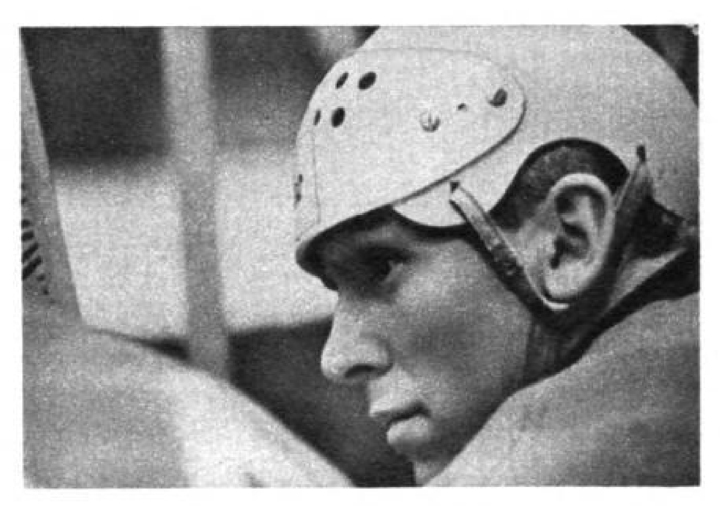
В. ЯКОВЛЕВ
Фото А. БОЧИНИНА.

Вратарь «Торпедо» В. Коноваленко

Защитник А. Рагулин (ЦСКА).

Защитник Э. Иванов (ЦСКА).

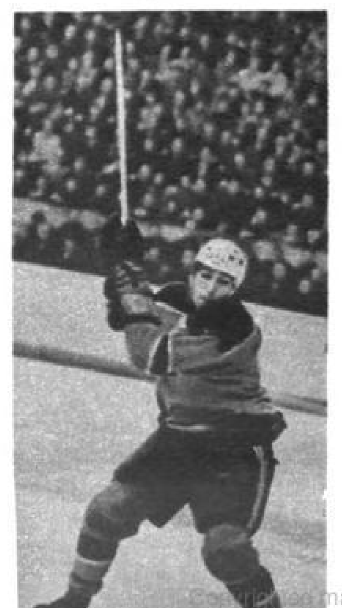

Нападающий В. Старшинов («Спартак»).

Нападающий В. Якушев («Локомотив»).

Нападающий А. Фирсов (ЦСКА).

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ...

Фельетон

А. ПАВЛОВА

Мы за технику на службе человека. Особенно за автоматы. Телефон-автомат — это здорово. Видеотелефон — фантастика. Кафе-автоматы — красота.

Чем особенно хороши автоматы? Быстро и надежно. Ни тебе обсчетов, ни тебе обвесов. Опустил монету, получил свою порцию без всяких усушек, утрусок и утечек. Но бывает, что с автоматами приключается оказия. И вот какая.

Установили на вокзалах Москвы автоматические камеры хранения. Прямо в залах ожидания, в самой, так сказать, гуще пассажиров. Стоят здоровые стальные сейфы по 9 ячеек-ларчиков в каждой камере. На один такой ларчик сотни килограммов металла истрачены. И все это для сбережения багажа, все для облегчения пассажира!

Не прошло и полгода, а камеры-автоматы не один десяток пассажиров облегчили. Правда, без сбережения багажа. Пропадает багаж, как будто корова языком слизнула, как будто его и не было! А вокзальное начальство говорит, парируя нервные наскоки пассажиров: «А чем вы докажете, что положили свой фибровый чемодан в камеру-автомат? Ничем не докажете».

И верно, у пассажира, кроме носового платка, чтобы слезы вытирать, ничего не осталось. А плакать ему есть отчего: за пропажу из автоматических камер хранения железная дорога не отвечает, поскольку пассажир не может доказать, что чемодан у него был,— ведь камера закрыта. И 15 копеек пассажир-бедолага за сохранность в щелку автомата напрасно бросал.

А виноват, думаете, кто? На этот счет есть разные мнения.

Конструкторы камер-автоматов В. Я. Хасин, Н. К. Хромушкин и Г. Ф. Жданов считают, что виноваты сами пассажиры-раззявы. И воров они журят: стали слишком технически подкованными.

Пассажиры же обвиняют конструкторов: не продумали систему секретности замка.

Предоставим слово одному из пострадавших.

— Был я недавно в Москве проездом,— рассказывает он.— Сошел с поезда на Курском вокзале. Дай, думаю, заброшу чемодан в камеру хранения, а сам — вольный казак — по Москве поброжу. Подошел к камерам-автоматам. Семь пунктов правил прочитал. Проще пареной репы.

«Опусти 15 копеек». Опустил. «Набери любое число из 4 цифр на внутренней стороне дверцы». Набрал. Записать число, правда, было нечем. Запомнил. Захлопнул дверцу. Открыть теперь ее можно, только набрав снаружи дверцы прежнее число. Но вся беда в том, что я оказался вороной. Когда набирал свои цифры, постеснялся отогнать пассажиров, хотя бы метров на пять, чтобы не смотрели. Какой-то мазурик подсмотрел мое число и, только я ушел, набрал его и за мои же 15 копеек получил мой чемодан. Вместе со мной еще один дед пострадал. Этот больше из-за своего малого росточка. Ячейка ему верхняя досталась, на третьем ярусе. Еле до ручек дотянулся, чтобы цифры набрать. И как ни отгонял дед пассажиров, все равно его цифры, как на стадионе, на табло счет показывали. Плакал чемодан и у деда!

А еще один пассажир — может, он уже проучен был, а может, просто фотограф — накинул на себя черную тряпку и все колдовал под ней. Но все равно чемодан и у него уперли. Жулик, видимо, хорошо механику автомата освоил, а может, обладал музыкальным слухом: стоял, подлец, спиной, а сам слушал повороты ручек с цифрами.

На единицу повернешь — один щелчок, на двойку — два, на четыре — четыре щелчка, а всех-то цифр десять. А потом за свою догадливость премировал себя чемоданом этого фотографа.

Были и другие случаи. Смотрит, скажем, жулик на пассажира и прикидывает, сколько ему лет. Потом наберет на автомате его год рождения, и точно — автомат ему чемодан выдает. Ведь большинство пассажиров набирают свой год рождения.

Автора этих строк милиция познакомила с открывателем ларчиков-сейфов Иваном Ткаченко. Ему семнадцать лет.

— Открывать ваши сейфы,— сказал Иван,— было проще, чем попасть в собственную квартиру. Я устал от переноса чемоданов.

— Где ты хранил украденные чемоданы?— спросил его следователь.

— Смешной вопрос! — ответил вор.— Сдавал на хранение кладовщикам, чтобы с полной гарантией. Не в автомат же ложить, а вдруг сдуру кто возьмет и откроет.

И такое с автоматами приключается. Шел В. Крючков под хмельком по залу и увидел камеры-автоматы. Дай, говорит, побалуюсь новой техникой. И стал Крючков крутить цифры. Как до четырех пятерок докрутил — сейф нараспашку. Крючков сначала даже испугался: «Брать или не брать?» Потом решил, что не брать нельзя. Могут плохо подумать. И взял...

...На суде Крючков все до конструкторов добирался. На них все валил.

— Это разве камеры хранения,— говорил он,— если их шутя открыть можно!

...А зря на конструкторов Крючков нажимал. Они таких, как Ткаченко и Крючков, игнорируют. Они свои автоматы на честных людей рассчитали.

Но здесь возникает вопрос: зачем тогда автоматы в виде сейфов делать? Зачем на каждую камеру тратить столько металла?

И еще: зачем пассажиру изучать коды, если ларчик и так просто открывается?

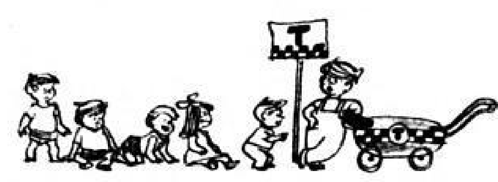
Гомельский электротехнический завод Министерства путей сообщения в прошлом году изготовил около трехсот автоматических камер хранения. В нынешнем году намерен выпустить семьсот.

Стоит ли тратить на их изготовление тысячи тонн металла, если эти бронированные сейфы легко пасуют перед ворами и открываются почти так же, как Остап Бендер открыл замок бедного инженера Щукина,— ногтем.

ЗА КОЛЯСКОЙ ПО ГОРОДУ

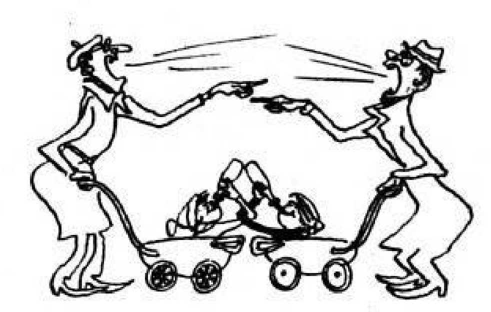
Открыл навигацию.

Как у взрослых.

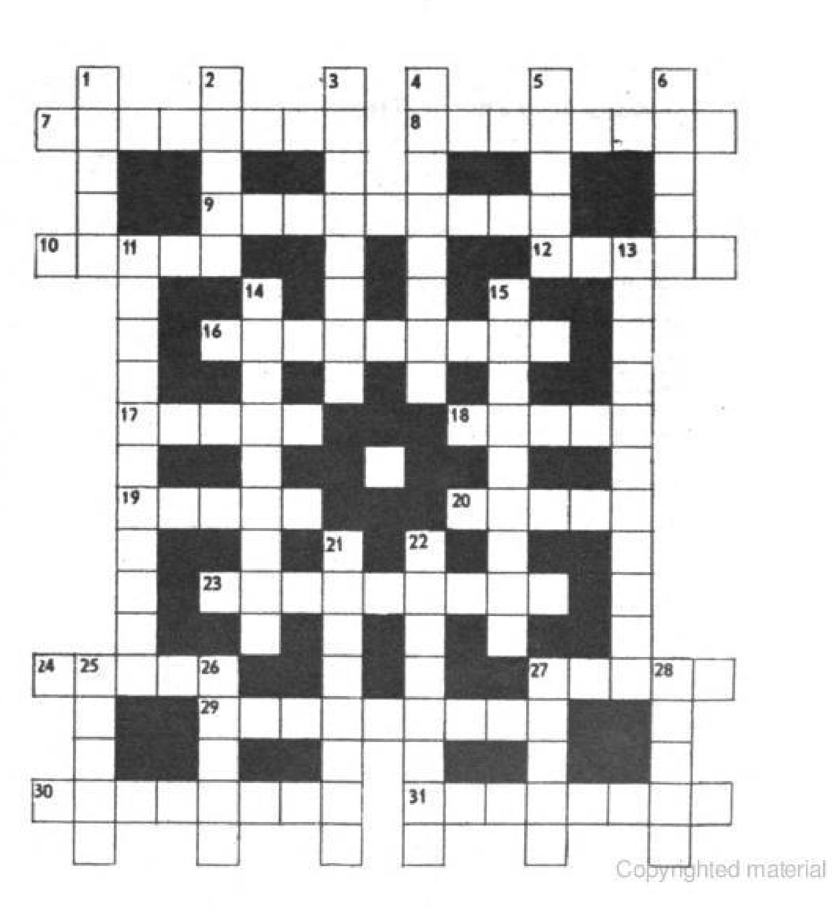
Перепутал.

Отцы и дети.

Рисунки Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Рассказ А. П. Чехова. 8. Водяная краска. 9. Панорамное кино. 10. Расплавленная масса в глубине земной коры. 12. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 16. Сорт яблок. 17. Приток Селенги. 18. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 19. Место в пустыне с растительностью и водой. 20. Несущая поверхность самолета. 23. Соразмерность. 24. Автор поэмы «Суд памяти». 27. Крупная тропическая змея. 29. Государство в Южной Америке. 30. Финский композитор. 31. Верхняя часть колонны.

По вертикали:

1. Последовательный ряд звуков. 2. Предмет чайного сервиза. 3. Курорт в приморском крае. 4. Вулканический остров в Индийском океане. 5. Домашняя одежда. 6. Цветок. 11. Певчая птица. 13. Минеральное удобрение. 14. Способ плоской печати. 15. Коллективное посещение достопримечательных мест. 21. Областной центр в РСФСР. 22. Спортивные упражнения. 25. Хлопчатобумажная ткань. 26. Сухое печенье. 27. Роман Э. Золя. 28. Лососевая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. Мольер. 6. Древко. 7. Консерватория. 12. Планшет. 14. Смокинг. 15. Ливадия. 18. Мадригал. 19. Параметр. 20. Камаринская. 23. Каттегат. 24. Мармелад. 28. Рубидий. 30. Помидор. 31. Разница. 32. Станиславский. 33. Сводка. 34. Есенин.

По вертикали:

1. «Соловей». 2. Метеорит. 3. Критерий. 4. Аксиома. 8. Платан. 9. Интерпретация. 10. Аккомпанемент. 11. Снасть. 13. Жаботинский. 16. Салават. 17. Балабан. 21. Матлот. 22. «Марица». 25. «Мурзилка». 26. Лингвист. 27. «Полтава». 29. Ванилин.

1

2

3

4

1 Поиграем в чехарду.

2 Репетировать неохота...

3 Револьвер под рукой на всякий случай...

4 Надевать хомут, как известно, никто не любит!

5 Квинтетом тигров дирижирует Вальтер Запашный.

5

Случай из жизни

В. КРУПИН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Представление заканчивается в 22.20...

И тогда начинается самое интересное. И самое сложное — репетиция. До двух, до трех часов ночи цирк не гасит своих огней. Трюк длится секунду, а на подготовку его уходят часы, недели, годы.

Этого номера еще нет в программе. «Тройка». В упряжке должны пойти лев и два тигра. Хомут, как известно, не доставлял еще удовольствия ни одному из живых существ. Звери рычат, огрызаются. К тому же тигр Ампир никак не хочет привыкнуть к соседству льва и так и норовит поотстать да царапнуть сзади царя зверей. Укротитель Запашный горячится, кричит. В его голосе раздражение — но не злоба — и обида. И мы видим, как тигр виновато отворачивает морду в сторону. Это не значит, что он в тот же миг исправится. Но надежда есть...

Репетиция продолжается. В клетку вбегает тигрица со шрамом на носу. Она усаживается на свою тумбу и равнодушно посматривает по сторонам. Временами, когда ее взгляд останавливается на дрессировщике, на какой-то миг повернувшемся к ней спиной, в глазах ее вспыхивают огоньки. И тогда под куполом раздается предостерегающий возглас:

— Багира!

Это помощница и жена Вальтера Марица напоминает зверю о возможных последствиях. Огоньки в зрачках тигрицы тухнут. Через некоторое время она послушно, со знанием дела отрепетирует свой номер и удалится с независимым видом.

«Трудовая книжка» Багиры вряд ли может послужить образцом для других представителей ее профессии. Прямо скажем, в ней нет благодарностей. Зато нарушений трудовой дисциплины и даже преступлений у Багиры хоть отбавляй.

Первыми жертвами молодой тигрицы были два берейтора — помощники известного голландского укротителя Кланта.

Знатоки зверей утверждают, что тигр, напавший однажды на человека, будет делать это и впредь. Тигр-людоед на арене цирка! Чем не сенсация? Клант решил ее осуществить во что бы то ни стало. Жена дрессировщика начала репетировать с Багирой. Жар-птица славы была уже почти в ее руках. Но — увы! — сама укротительница попала в лапы хищника. Основательно потрепав ее, Багира получила длительный отпуск. Дрессировщик отказался от сногсшибательной затеи.

Вскоре продали Багиру нам. Она была представлена как молодая, неопытная.

Вальтер Запашный в это время набирал зверей для своей труппы. Бывший акробат (братья Запашные много лет блистают на советской и зарубежной арене, завоевав на VI Всемирном фестивале молодежи звание лауреатов), он загорелся идеей вывести на арену цирка диких кошек: льва, тигра, пантеру, ягуара, рысь, каракала. Задача труднейшая, если учесть, как враждебно относятся крупные кошки к мелочи и как неуютно чувствует себя, скажем, рысь в присутствии царя зверей. Преодолеть этот антагонизм среди зверей не менее трудно, чем научить их чему-то каждого в отдельности.

Багира Запашному понравилась с первого взгляда. По глазам видно было, что зверь — умница.

Первый раз, входя в клетку к Багире, дрессировщик, разумеется, не забыл о мерах предосторожности. В руке — палка, за поясом — оружие. Конечно, волновался. Но в меру: больше думал не о том, как зверь его встретит, а какие способности и навыки проявит.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Вальтера Запашного

Багира встретила Вальтера на удивление спокойно. Не зарычала, не окрысилась, как это делает обычно молодой тигр, когда к нему впервые приближается человек.

Еще шаг к зверю! И снова зверь отступает назад. Вальтер поднял палку и по тому, как отпрянула тигрица, понял, что с палкой она хорошо знакома. Но было уже поздно: Багира уселась у двери, закрыв Вальтеру выход. Она вся подобралась перед прыжком, и Запашный успел только рассчитать, что ни назад, ни в стороны пути нет. Он прижался к прутьям. И прыгнул вместе с Багирой! Вперед,— нырнув под нее.

Тигрица промахнулась. Пока она пыталась сообразить, где же ее враг, дрессировщик уже хлопнул дверью.

Второй заход к Багире был тщательно продуман. Запашный запасся ракетницей. Осветитель положил руку на рубильник. Предосторожности оказались не лишними. Тигрица не стала мешкать, она кинулась на укротителя, едва он вошел в клетку. И в ту же секунду был «вырублен» свет. Вальтер выстрелил из ракетницы в пасть зверю.

На третий раз тигрица решила действовать хитрее. Она позволила укротителю войти и даже некоторое время поработать. Когда Запашный взял тумбу, на которой обыкновенно сидят звери во время репетиций и представлений, она вдруг прижалась к полу. Дело в том, что тумба служит дрессировщикам средством защиты. Послужила она Запашному и в тот памятный день. Выждав момент, когда Вальтер бросил кнут, Багира вновь ринулась в атаку. Но не тут-то было! Подножие тумбы, как капкан, охватило железными прутьями морду хищника. Громкий удар по фанерному сиденью оглушил.

И Багира смирилась. Человек оказался умнее, а стало быть, сильнее ее. Тигрица пустилась на хитрость. Она начала репетировать, проявив недюжинные артистические способности.

Дебют молодого укротителя состоялся в Иванове в 1961 году. К премьере покрасили реквизит. Непривычный запах раздражал зверей, они нервничали. В ходе представления Запашному пришлось их не раз успокаивать. В одну из таких заминок Багира прыгнула на него сзади. Тигрица вонзилась в плечи дрессировщика передними лапами, а задними стала ему рвать живот. Единоборство с тигром без оружия — это не под силу даже Запашному, мастеру спорта по трем видам: акробатике, гимнастике, тяжелой атлетике. Только одна надежда — выиграть время, хотя бы секунду, чтобы подоспели люди. Выручило знание самбо. Запашный схватил Багиру за бакенбарды и притиснул ее морду к своему затылку.

В клетку вбежали народный артист Борис Эдер, брат Запашного Мстислав и ассистент.

Двадцать шесть ран нанесла тигрица Запашному.

А через полтора месяца он снова вошел в клетку к Багире.

Багира покорилась!

Если вы попадете на представление в Московский цирк, то в 22.15 увидите, как тигрица со шрамом на носу ходит на задних лапах перед человеком.

Напрасно вы подумали, что у нашего корреспондента трясутся колени,— просто в этом положении удобней снимать.

Нелегкая ноша: вес ее — 250 килограммов.

См. последнюю границу ложки

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00384. Подписано к печати 6/V 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 2.045.000. Изд. № 741 Заказ № 1206

